

Юрий Дружков

Волшебная Школа Карандаша и Самоделкина

Сказка

ДОРОГИЕ МАЛЫШИ!

Когда я был таким же маленьким, как вы, мне становилось немножко грустно, если кончалась какая-нибудь хорошая сказка. Я сам придумывал продолжение, потом продолжение к продолжению...

Взрослые улыбались и говорили:

– Смешной мальчик. Наверное, таких больше нет. Стоит ли так верить сказкам, если они всё равно кончаются и приходит совсем другое, совсем не сказка?...

Но теперь я знаю: смешных мальчиков и смешных девочек очень много.

Я написал когда-то весёлую сказку для них: «Приключения Карандаша и Самоделкина». И с тех пор ко мне пришло несметное количество писем, в которых ребята – маленькие, чуток побольше и совсем побольше – просили рассказать им продолжение сказки.

Почтальон принёс однажды мешок с письмами от ребят и сказал:

– Неужели это всё про неё, про сказку? О чём она, ваша сказка?

– То есть как о чём? – сказал я почтальону. – О волшебном художнике, весёлом и добром Карандаше, о железном человечке Самоделкине. О том, как они открыли для всех ребят Волшебную школу... И вот ребята в своих письмах задают мне самые обыкновенные вопросы:

**КАК ПОСТУПИТЬ В ШКОЛУ ВОЛШЕБНИКОВ?
КАК ПРОЕХАТЬ К ЭТОЙ ШКОЛЕ?**

**КАК ПОЗВОНИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ?
КАК УЧАТ НА ВОЛШЕБНИКОВ?
ЧТО ДЕЛАЮТ НА ПЕРЕМЕНАХ?
ГДЕ НАХОДИТСЯ ВОЛШЕБНАЯ ШКОЛА?**

Я сначала не хотел открыть никому такую тайну: боялся, вдруг все ребята убегут из обыкновенных школ и бедным учительницам некому будет ставить отметки. А потом подумал-подумал – и написал новую сказку.

Я, так же как все ребята, очень хотел узнать: как учат в необыкновенной школе?...

А теперь я хочу вместе с ними, вместе с тобой, маленький мой читатель, перевернуть страницу и незаметно войти в необыкновенную школу. По-моему, нас никто не прогонит.

Сказка продолжается.

СКАЗКА НАЧИНАЕТСЯ!

**Вступление,
где незаметно можно попасть в необыкновенную школу**

«Входи в неё, войди в неё, она для всех открыта!» – поют в городе песенку про эту Волшебную школу. Поют маленькие дети, поют мамы и папы, но каждый проходит мимо школы, не представляя себе, что перед ним.

Они думают: школа – это когда никто не шумит и вокруг очень тихо, даже невероятно тихо. Ну конечно, пока звонок не прозвенит на перемену. Тогда минут пятнадцать вокруг школы не то скакалки-оралки, не то шлёпалки-бегалки, не то шумелки-падалки, не то прыгалки-дрыгалки, не то смеялки-хохоталки.

Потом опять звонок. И снова тихо. Только шелест бумаги в окнах и, совершенно случайно, один или два бумажных самолётика выпорхнут вдруг в окошко... На одном крыле почему-то клякса. На другом – чучело-бабучило с надписью:

ЭТО – СЕНЯ-КОЛБАСЕНЯ

Вот какие бывают необыкновенные школы.

Но разве есть на свете школы, где маленькие дети на всех уроках смеются? Или громко стучат? И брякают обо что-то? Где в классах много разных игрушек? И нет скамеек, а есть нарядные деревянные лошадки с мягкими настоящими сёдлами, с ремешками-уздечками, чтобы крепко на них держаться, если тебе хочется? Дёрни за ремешок – и в этой лошадке сначала что-то звенит, а потом она говорит: «Иго-го!»

В обыкновенной школе все, конечно, видели стол учителя. Простой деревянный стол на четырёх ножках.

Тут никакого стола нет. Не только на четырёх, но даже на трёх или на двух ножках. Зато стоит на колёсах однострубный пароходик с настоящим капитанским, как у больших пароходов, мостиком.

В коридорах этой школы разгуливает живая коза. У неё четыре ножки, нормальные козьи рожки, да колокольчик на шее. Всё на месте. Козу так и зовут – Бубенчик. Она, правда, почему-то не белая, а чёрная, не в пятнышко, не в крапинку, а... в цветочек.

У неё шерсть на боках и на спине в цветочек!

Не верите? Посмотрите, пожалуйста, сами.

На одном боку васильки, на другом – луговые ромашки.

На подоконнике дремлет зелёный кот. Зелёный, как весенняя травка. Он, правда, не абсолютно зелёный, а ещё в белую шахматную клеточку. Поэтому зовут кота – Клеточка.

Усы у него зелёные-презелёные, глаза – как изумруды, хвост очень зелёный. Кот поглядывает на собаку. Мне, правда, может быть, и не поверят, но я скажу: это самая

обыкновенная собака. Только вся оранжево-полосатая, как тигр. Она лает, а не мяукает. Она собака по имени Тиграша.

Сам не понимаю, почему так выходит. Стоит лишь подумать: «Расскажу-ка я ребятам сказку», – а в ней уже сидят и поглядывают на всех и котёнок, и щенок, а то и коза какая-нибудь. Сидят и поглядывают, как будто звали их в сказку, приглашали, видите ли. А их никто не звал.

Я не виноват. Честное слово, не виноват. Я потом расскажу тебе, как очутились в необыкновенной школе кот в клеточку, собака в полоску и васильково-ромашковая коза. Но сначала я познакомлю тебя с главным учителем школы.

О главном учителе волшебной школы

Вот он перед нами. Весь на виду. И зовут учителя не как-нибудь сложно, допустим, не Фёдор Иванович, не Игнат Акимович, не Василий Парамонович, а совсем даже просто и обыкновенно: Карандаш.

Он учит рисованию. Он сам удивительный художник и умеет рисовать оживающие картинки. Если он вдруг нарисует конфету, она оживёт. Это не значит, будто конфета запрыгает по дорожке и замяукает. Или зачирикает на ветке. Нет. Она из нарисованной делается настоящей конфетой. Шоколадной и клубнично-вишневым вареньем внутри. Или с бананово-кокосовой начинкой. Это какую нарисуешь, такая конфета и будет. А как её нарисовать, научит ребят волшебный художник.

Правда, в школе у него только три ученика. Потому что многие пока не знают, где Волшебная школа и как в неё пройти. А некоторые папы и мамы просто не верят. Они говорят:

– Не рассказывайте нам сказки. Нет никакой Волшебной школы. Нет и быть не может! Вы только взгляните на расписание уроков. Послушайте, какое у них расписание уроков!

Мама и папа читают расписание уроков на дверях школы:

1. Урок Фантазии
2. Урок Стуканья-Бряканья
3. Урок Смеха и Радости
4. Урок Доброты
5. Урок Необыкновенных Путешествий

Папы и мамы качают головами:

– Дальше можно и не читать. Ну разве такое бывает? Нет Волшебной школы и быть не может...

И поэтому не ведут в неё своих ребятшек.

Про всех учеников, которых привели в школу

Только три малыша ходят в первый класс удивительной школы.

Одного мальчика зовут Чижик. Некоторые удивляются, думают, имени такого не бывает. И я не знаю, почему Чижик. Мама и папа, когда привели Чижика в школу, всё время говорили: «Чижик, Чижик!» Они сказали:

– Мы хотим устроить нашего Чижика в необыкновенную школу. Он способный мальчик и ласковый. Он даже самый хороший на всём свете. Наш Колокольчик такой славный. Он добрый Зайчонок. Пожалуйста, примите Солнышко в удивительную школу. Звончек вас не подведёт. Он послушный. Только спрашивать любит обо всём на свете. Очень любопытный Воробушек...

А папа добавил: «Хворобушек...». И голос у него дрогнул.

Вот и попробуйте понять, как зовут мальчика на самом деле: Чижик, Солнышко,

Воробушек, Зайчонок, Звоночек или Колокольчик? Я не знаю.

Мама у него тоненькая, совсем как девочка. И строгая, но не в очках. А папа совсем не строгий, а в очках.

Мама ходит с маленькой сумкой, а папа ходит с палочкой.

Про всех, кто ходит с палочкой, говорят, будто они, когда маленькие были, маму свою не слушались и поэтому и крыши упали. Но это совсем не так и неправда. Папа и у Чижика сочиняет сказки. Никому не известно, какая у него палочка: волшебная или не волшебная.

На Чижика папа смотреть без улыбки не может. Он когда на Чижика смотрит, у него губы сами собой расплываются, как будто в них маленькие пружинки спрятаны, с колокольчиками...

Весёлую девочку зовут Настенька. Её тоже привёл не кто-нибудь, а мама.

Настенька увидела мальчика и сказала:

– У тебя шнурки на ботинках развязались. Можно, я тебе завяжу? – И завязала.

Поглядела на другого мальчика и сказала:

– У тебя одна пуговка не застёгнута. Я тебе застегну. – И застегнула.

Потом взяла мальчиков за руки. Наверное, чтобы они вдруг не потерялись. И повела в школу, поправив сначала на них шапочки и воротнички.

Волшебный художник взглянул на неё внимательно и сказал, сияя от радости:

– Ах, какая замечательная вырастет волшебница!

Некоторые думают, он хотел сказать не «волшебница», а «мама». Но это ведь одно и то же.

третьего ученика зовут Прутик. Я не видел, кто его привёл, и поэтому ничего пока не могу о нём рассказать и не знаю, почему так смешно зовут мальчика – Прутик. А не Веточка, не Шишечка, не Листочек.

Вот сколько малышей ходит в первый класс удивительной школы! А второго и третьего класса в ней пока ещё нет. Зато есть второй главный учитель. Его даже искать не надо. Он совсем близко. На этой странице. И зовут его – мастер Самоделкин.

О втором главном учителе

Самоделкин чудеса рисовать не умеет, зато всё делает сам. Любой велосипед. Он так и говорит на уроке всем ребятам:

– Пока вы не поймёте, как устроен велосипед и как надо его мастерить, вы не сумеете нарисовать оживающую картинку про этот велосипед. А если всё-таки поспешите нарисовать, он у вас не поедет, а станет рычать и лаять, потому что руль у нас будет похож на собачкин хвост... Покажи, пожалуйста, Карандаш, какой у них выйдет велосипед.

– Ну что ты, – не соглашался художник, – не буду я такое рисовать. Нарисую, а что потом делать с рычащим трёхколёсным велосипедом? Он ещё косточку попросит. А я косточки не люблю рисовать, я сосиски люблю с капустой. А ещё мороженое...

– А ты забыл, какие неприятности были у тебя с мороженым?

И Самоделкин звякнул своими пружинками. Ноги у него – пружинки. Поэтому, когда Самоделкин ходит, он подпрыгивает на своих пружинках.

Однажды Карандаш ему сказал:

– Давай, Самоделкин, я тебе другие ножки нарисую. А то, когда я с тобой разговариваю, мне очень головой мотать приходится. Вверх-вниз, вверх-вниз. Хоть закрой глаза и не смотри на тебя.

– А уроки за меня кто вести будет? – ответил ему Самоделкин. – Ребята на уроках так прыгают, что если я смотрю на них и не подпрыгиваю, у меня голова отвинчивается.

– А может быть, они тебя передразнивают? – заметил Карандаш.

– Разве можно передразнивать учителя? – удивился таким словам Самоделкин.

А первое занятие начиналось так

– Дорогие ребята, – сказал Карандаш. – Я научу вас рисовать волшебные картинки.

– Пожалуйста, поскорее! – в один голос воскликнули ребята. – Пожалуйста!

– Какие нетерпеливые! – с улыбкой ответил Карандаш. – Надо сначала подготовиться к такому необыкновенному чуду. Разве каждому дано стать волшебником? Вы обязательно должны быть весёлыми. Скучные рисунки, унылые картинки даже смотреть не хочется, но что будет, если они оживут?... Поэтому есть у меня для вас уроки Смеха.

Ребята захлопали в ладоши. Ну кому, скажите, не понравятся уроки Смеха!

– Волшебнику необходима фантазия, – продолжал учитель Карандаш. – Плохо рисовать без фантазии. Кирпич и тот никогда без фантазии не получится. У вас будут уроки Фантазии.

– Волшебный художник обязан стать очень добрым, – сказал Карандаш. – Нельзя ничему научиться без доброты. Подумайте, что будет, если вы станете рисовать злые волшебные картинки! Это большая беда... Но чтобы с вами подобного не случилось, есть у нас уроки Доброты.

– Художнику, – строго заметил Карандаш, – нельзя быть неграмотным, чтобы не делать неграмотные рисунки. У вас будут уроки весёлого Чтения, весёлой Математики. Много придётся вам узнать, прежде чем ваша кисточка, ваши краски сделаются волшебными...

Тут маленький Прутик почему-то зевнул. Наверное, виновато непонятное слово «математика». От этого слова многие зевают.

– А ещё будет у вас урок Самоделок и Смекалки, – добавил другой учитель. Он стоял рядом с Карандашом и покачивался на своих пружинках. Поскольку стоять неподвижно Самоделкин просто не умел. – Я не дам ломаной, ржавой, несмазанной шестерёнки за волшебника, не умеющего держать в руке молоток, напильник и отвёртку. Это разве волшебник?

Ребята засмеялись.

– Поглядите в окно! – Карандаш распахнул створки окна.

За деревьями школьного сада, над их вершинами, плавно качался привязанный крепким канатом лёгкий воздушный шар. А к нему от самой земли тянулась тонкая верёвочная лестница, такая, какая бывает на парусных кораблях. Ну кому не захочется подняться по такой настоящей верёвочной лестнице?!

– Когда-нибудь, на уроке Необыкновенных путешествий, мы сядем в кабину этого шара и полетим поглядеть на дальние-дальние города и земли, на синее море, на снежные горы, на тучи, на звёзды. Волшебнику всё надо видеть своими глазами. Но лентяя, равнодушного летняя, мы в полёт не возьмем! – так сказал мастер Самоделкин.

Ребята притихли.

– А шар тоже нарисованный? – спросил Чижик.

– Конечно, – кивнул Самоделкин. – У меня бы не нашлось так много ткани, чтобы сделать шар. Его нарисовал учитель Карандаш. А я смастерил кабину с приборами для полёта. Я научу вас делать приборы, машины, механизмы...

– Итак, с чего мы начнём? – спросил Карандаш.

– Нарисуй, пожалуйста, гоночный велосипед, – попросил Прутик. – Но только самый скорый, чтобы меня догнать никто не мог. Я никогда не катался на гоночном велосипеде.

Карандаш укоризненно посмотрел на мальчика.

– Ай-ай, сразу видно, ты ещё не готов для занятий.

– А я хочу посмотреть, как рисуют волшебные картинки. Я никогда этого не видела, – сказала Настенька. – И, наверное, долго не увижу. Так много у нас разных уроков: Смекалка, Фантазия, Смех. Потом этот... я забыла... Ох, как много.

Один Прутик ничего не сказал. Наверное, он видел, как рисуют волшебные картинки.

Что будет, если чего-то не будет?

Говорят, будто мальчика Прутика нарисовал Карандаш. Но я этому не верю. Представляете, что будет, если все научатся и станут рисовать мальчиков, да ещё таких, каких тебе хочется?

Нужен маленький мальчик – взял и нарисовал. Бери своего мальчика за ручку и гуляй. Мальчик вполне самостоятельный. По ночам спит, никого не будит. А днём с вами в зоопарк ходит, на слонов и тигров смотрит или бумажные лодочки в пруду пускает.

Все будут говорить: смотрите, какой у него славный мальчик. Он так похож на своего папу. Даже левое ушко и родинка на щеке у него папины... Каким нарисуете, он таким и получится. Хоть рыженький, хоть беленький.

Кто-нибудь захочет и нарисует мальчику такие особые ладошки-незамарайки, неразбиваемые коленки. А чтобы мальчик не падал и случайно где-нибудь не оцарапался, нарисуют его небегающим и непрыгающим, послушненьким-препослушненьким, чистеньким-пречистеньким. Хоть петельку пришивай к нему и вешай в прихожей на вешалке. Перед прогулкой метёлочкой обмахнул и повёл на улицу.

И что из этого получится, какие потрясения вызовет рисование готовеньких, умненьких и послушных мальчиков – не могу вам описать.

Если грязных ладошек не будет, в магазинах перестанут покупать мыло. Раз мыло никому не будет нужно, мыловаренную фабрику навсегда закроют.

А если носов и коленок поцарапанных больше не будет, все перестанут покупать зелёнку в аптеке. На складах этой зелёнки столько наберётся, так много, что её перельют в поливальные автомобили – у них такие большие цистерны – и повезут куда-нибудь подальше. А водители поливальных машин эту зелёнку никогда не возили. Они, конечно, про неё забудут и нажмут краны там, где всегда нажимали. А по улицам дети бегают, автобусы ходят, солидные люди гуляют. Вокруг пыльно, жарко. Вот и польют...

Надо будет, конечно, всех от зелёнки отмывать. Побегут люди за мылом, а его нет! Потому что некому стало грязные ладошки мыть и фабрика мыловаренная закрыта навсегда...

Но давайте вернёмся в школу, пока есть на свете немытые ладошки, поцарапанные коленки, пока всё на своих местах.

Глава первая, потому что урок первый

– Я нарисую табуретки, – придумал Карандаш. – Вам не на чем сидеть.

– Правильно, – одобрил мастер Самоделкин. – Хотя нет на свете лучше табуретки, сколоченной своими руками из крепкого дерева. Но для такого случая можно сделать исключение.

– А зачем табуретки? – спросил Чижик.

Художник удивился:

– Вы хотите всё время стоять?

– Или прыгать на месте? – спросил железный человечек.

– У них ноги устанут, – сказала Настенька.

– На коне сидеть удобнее, чем на табуретке, – пояснил Чижик.

– Хм, – сказал Карандаш и поглядел на Самоделкина: – Ты когда-нибудь слышал подобное? Им нужны лошадки?

Ребята захлопали в ладоши:

– Лошадки! Лошадки!

– Мне коня! Боевого коня! – попросил Чижик.

– Вы только подумайте, – всплеснул руками художник, – а как я вас потом всех ловить буду? Я нарисую лошадок. Я нарисую деревянные качалки. Они будут совсем как настоящие верховые лошадки!

И всем это понравилось.

Художник подошёл к стене класса, постоял возле неё в тишине, как бы готовясь к торжественному действию, подумал и начал рисовать.

Если вы у себя в классе нарисуете лошадку мелом на доске, она будет на ней красоваться до тех пор, пока её не сотрут влажной тряпкой. Но в классе Волшебной школы лошадка сама вдруг отделилась от стенки!

Будто её не рисовали, а принесли в класс прямо из магазина и поставили на полу. Нарядную качалку-лошадку.

Ребята ахнули. Они впервые увидели такое чудо.

– Первая лошадка – Настеньке, – сказал учитель Самоделкин.

– А я нарисую для всех! – И Карандаш быстро нарисовал ещё двух деревянных лошадок.

Не прошло и пяти минут, как все ребята сидели на своих необыкновенных партах: каждая в четыре ножки, с хвостиком да ещё с ремешком-уздечкой. Ребята качаются на них, как настоящие всадники. Урок продолжается.

– Это все-таки ошибка воспитания, – ворчал себе под нос мастер Самоделкин. – Лучше обыкновенный табурет сделать своими руками.

Но ворчал он просто так, по привычке. Ребята сияли от восторга, и Самоделкин в глубине души радовался этому. Вы не знаете, какая большая радость, когда вдруг нарисованные лошадки становятся игрушками.

– А теперь надо приготовить стол для учителя.

– Не надо! Не надо! – зашумели ребята.

– Как не надо? – опешил художник. – А где же я буду сидеть и ставить вам отметки?

– Я придумал! На кораблике надо сидеть, – как ни в чём не бывало сказал Чижик.

– Хм! – произнёс Карандаш.

Он подошёл к стенке и начал рисовать.

Это был совсем как настоящий пароход, но только сухопутный, пароход на резиновых колёсах, чтобы двигаться по всему классу. На мачте парохода висел звонок с длинной верёвкой. Под ним появился капитанский мостик с медными сверкающими поручнями, а рядом – белая пароходная труба.

Весь класс дружно захолопал в ладоши, смеясь от удивления. Самоделкин подошёл, слегка подвинул пароход, осмотрел его.

– Коробка, пустая коробка, и никакого механизма, – с хорошим знанием дела, но так, чтобы его никто не слышал, проворчал Самоделкин. – Пойду лучше приготовлю всё для большой перемены.

– Вот как появляются оживающие рисунки! – между тем говорил Карандаш, любуясь новым пароходом.

– Не оживающие! – перебила Настенька. – Они совсем не оживающие.

– То есть как? – не понял учитель.

– Они ещё не бегают, и не скачут, и не смеются. Они совсем не оживающие.

– В самом деле, – согласился Карандаш. – Это неодушевлённые предметы. Вы хотите, чтобы я нарисовал что-нибудь живое?

– Хотим! – закричали малыши.

– А можно, я нарисую? У меня дома очень хорошо получалось, – попросил Чижик.

– Живая картинка у тебя пока не выйдет, – улыбнулся художник, – но я дам тебе что-нибудь раскрасить и посмотрю, как ты это умеешь. А теперь я должен придумать, кого же нарисовать.

– Кусачее-будучее? – сказал Прутик и поглядел на девочку.

- Ой, не надо кусачее, – пискнула девочка.
- Собаку овчарку, – попросил Чижик.
- Серого козлика, бабушку и волка, – засмеялся Прутик, поглядывая на девочку.
- Что вы, что вы! – замахал руками Карандаш. – Не всё сразу, потерпите.
- Козу!
- Кота!
- Собаку! – выкрикивали ребята.
- Попугая! – добавил Прутик. – Учёного попугая!
- Хорошо, хорошо! Нарисуем всех вместе.

Художник подошёл к стене и, посмеиваясь про себя, стал рисовать. Собаку он в один миг нарисовал, потому что собака была нераскрашенная. А нераскрашенная она просто не могла сойти со стены, потому что была недорисована.

Потом Карандаш нарисовал козу с маленькими рожками. Он тоже её не раскрасил. Потом настоящего тропического попугая. Потом кота бесцветного нарисовал и сказал:

- Ну, Чижик, возьми, пожалуйста, мою кисточку и раскрась собаку.

Он протянул кисточку малышу, а сам поднялся на капитанский мостик и стал смотреть сверху прищурившись, как смотрят капитаны с настоящих капитанских мостиков.

Ребята закачались на своих лошадках. Им всем очень хотелось кого-нибудь раскрасить. Но лишь один Чижик спрыгнул с лошадки и пошёл за кисточкой.

– Потом Прутик раскрасит кота, а Настенька раскрасит козу, – так сказал Карандаш, посмотрев, как ребята качаются на своих качалках.

Глава вторая, самая удивительная

Но тут в дверь заглянул Самоделкин и сделал знак рукой.

Художник, не очень довольный тем, что его оторвали от урока, не торопясь, подошёл к нему.

– Выйди на минутку, – шепнул Самоделкин, – всё готово. Не хватает конфет с клубникой.

– Я на одну минуту, – сказал Карандаш ребятам. – Я скоро приду. – Он вышел из класса.

– Не шалите, – добавил почему-то Самоделкин и закрыл дверь.

– Так чего же нам не хватает? – спросил Карандаш, когда Самоделкин привёл его в столовую.

Надо вам сказать, что в этой Волшебной школе есть необыкновенная столовая, о которой вы ещё услышите.

– К чаю нет конфет. А чай без конфет – это не чай.

Карандаш подошёл к длинному столу, накрытому белоснежной скатертью, подумал и нарисовал прямо на скатерти шоколадные конфеты с клубникой внутри.

Вы, конечно, понимаете, что конфеты через мгновение лежали на скатерти, как самые что ни на есть настоящие-пренастоящие. Самоделкин взял их и куда-то спрятал. И в ту же минуту он услышал громкий весёлый смех, крики, топот, звон пароходного колокола, мяуканье, собачий лай. Кто-то звонил в колокол на капитанском мостике парохода. Будто пароход не стоял на четырёх своих колёсах на твёрдом паркете, а попал в страшную бурю, и вот-вот собирается утонуть, и зовёт всех, кто попадётся, на помощь.

Два наших учителя подпрыгнули на месте, повернулись и побежали по коридору. Когда они влетели в класс, Карандаш чуть не упал от удивления, а Самоделкин так раскачался на своих пружинках, что никак не мог устоять на месте.

На лошадках никто не сидел. Они качались одни, сами по себе.

Ребята прыгали по классу не хуже самого Самоделкина. Все кричали, смеялись, махали

руками, а колокол звенел и звенел.

На мостике парохода стояла коза и отчаянно дёргала за вёревку, привязанную к сигнальному колоколу. На шее у неё висел маленький серебряный бубенчик. Он тоже звенел.

На высокой мачте сидел неизвестно откуда взявшийся кот и шевелил невероятными кошачьими глазами. Невероятная собака с отчаянным лаем бегала по классу. И неизвестно было, кто кого догонял: собака ребят или ребята собаку.

Самоделкин зазвенел своими пружинками, засмеялся. Художник, чтобы не упасть, хотел за него подержаться. И они закачались вместе, запрыгали, заливаясь весёлым смехом.

Коза была необыкновенной масти! Козы бывают белые и чёрные, серые и чёрно-белые. А эта вся в луговых цветочках. На одном боку васильки, на другом – жёлтые ромашки. Эту козу, пока она ещё была бесцветной, раскрасила девочка Настенька волшебной кисточкой учителя.

Какие бывают собаки, я рассказывать не буду. Все ребята знают, какие они бывают, эти собаки. Наша собака не такая, как все. Она была тигриная, в оранжевую полоску, с тигриным хвостом и усами. Она только лаяла почему-то не по-тигриному. Эту собаку раскрасил Чижик.

Кот на высокой мачте весь был в шахматную клеточку, в зелёную и белую. Хоть ставь на него шашки или шахматы и передвигай с клетки на клетку. Хвост у него зелёный, усы длинные, зелёные, как травка, и глаза очень зелёные, как светофоры. Кота раскрашивал Чижик.

Вот откуда в школе появились такие удивительные звери: кот по имени Клеточка, собака Тиграша и коза Бубенчик. У неё на шее висел бубенчик. Вот почему она Бубенчик.

Глава третья, с учёным попугаем

А Прутик никого не раскрашивал. Он в эту минуту подозрительно быстро что-то рисовал на ровной стенке волшебной кисточкой учителя.

На стенке появилось какое-то чучело-бабучило.

Я много видел таких чучел-бабучил на разных стенках. Их стирают мокрыми тряпками, их закрашивают яркими красками, а они снова появляются, нарисованные мелом и углём на заборах, стенах и дверях. Может быть, они волшебные, раз они так появляются повсюду, сколько их ни закрашивай яркими красками?!

Карандаш первый спохватился. Он сначала остановил Прутика.

– Разве можно такое рисовать? Он у тебя всё равно живым не станет. Надо много и долго учиться и быть прилежным учеником. Садись на свою лошадку. А это я потом смою водой... Нарисую тучу. Из тучи пойдет мокрый дождик и смое... Ластиком такой большой рисунок стирать очень долго и трудно. Дождиком легче и проще...

Потом художник прогнал козу-дерезу. Кота с мачты он согнать не мог, потому что мачта была очень высокая. Хотя прогнать кота – пустяковое дело. Нарисуй мышки, и кот на мачте не усидит... Но Карандаш об этом просто не догадался.

Тиграша лаять перестала. Тиграша подняла одно ухо и строго поглядела на ребят. Карандаш тоже строго поглядел на ребят. И они сели на своих лошадок, всё ещё смеясь от радости, которую доставило им первое чудо, самое обыкновенное, какому легко научиться в этой Волшебной школе.

– А почему никто попугая не раскрасил? – удивился художник. – Разве бывают бесцветные попугаи?

– Мы не успели, – сказал Чижик.

– Хорошо, я сам его раскрашу, – кивнул учитель. – А то будет у нас попугай в горошек или в звёздочках.

Он взял свою кисточку и раскрасил попугая, каким положено быть попугаю. Через

мгновение настоящий учёный попугай взлетел на верхушку мачты, строго, как учитель, поглядел на ребят и вдруг сказал:

– Ку-ку! Привет!

И все ученики засмеялись.

– Итак, наш первый урок Смеха и Радости на этом заканчивается, – сказал Карандаш. – Вы сами увидели, как получаются оживающие картинки. Вам понравилось?

– Пон-ра-ви-лось! – крикнули ребята, да так громко, что кот слетел с мачты и убежал вон из класса.

– Всему этому я научу вас.

– Ур-ра! – закричали ребята, подскакивая на лошадках.

А Тиграша подняла второе ухо в полной задумчивости, не зная, что ей делать, лаять или бежать.

– Урра! Ку-ку! – весело крикнул попугай.

Учитель дёрнул за верёвку, зазвонил колокол.

– Большая перемена! Бегите к фонтану мыть ладошки. Потом в столовую.

– Мыть ладошки! Ладошки! – повторил попугай. – Кыш! Кыш! – вдруг замахал он крыльями, словно желая скорей прогнать ребят мыть ладошки.

Первой в столовую помчалась Тиграша. Как будто она понимала, о чём люди говорят.

Глава никакая, потому что в школе перемена

Тиграшу опередили. В столовой уже кто-то был. И даже не кто-то, а кот Клеточка. Он сидел у ножки стола и жмурил свои зелёные глаза. Но пока ребят не было, никто не спешил его накормить.

А ребята плескались у фонтана в саду, подставляя брызгам ладони, плюхали по тугим прохладным струям. Настенька озабоченно глядела на мальчиков и говорила:

– Пожалуйста, не простудитесь! Чижик уже носом шмыгает.

– Я не шмыгаю, – сказал Чижик.

– Значит, Прутик шмыгает.

– И я не шмыгаю.

– Тебе показалось, – решил Чижик. – Это фонтан шмыгает.

Они побежали в столовую.

– Входите, входите, – приглашал Самоделкин ребят. – Будем пить чай.

Ребята сели за стол. А на столе ничего не было, одна ровная пустая белая скатерть. Самоделкин слегка махнул рукой. На стенке столовой открылось окошко на кухню, и прямо на стол из окошка, гудя и посвистывая, вышел маленький игрушечный поезд. Алый нарядный локомотив тянул за собой платформы, а на каждой платформе стояла чашка с блюдцем и тарелочка.

Ребята зашумели от удивления, засмеялись. А поезд, пыхтя, подъехал к ним по скатерти и остановился. Ребята, конечно, тут же догадались: надо взять чашки. Они так и сделали. А игрушечный поезд после этого дал сигнал отправления, развернулся и поехал в обратную сторону, в окошко в стене, совсем как настоящий. Он и в самом деле настоящий, только маленький. Фонари на последнем вагоне мигнули на прощанье и скрылись.

Опять Самоделкин слегка махнул рукой. На стол из окошка выехали гружённые доверху игрушечные грузовики. На первом были конфеты с клубникой, на втором – печенье, на третьем – булочки, на четвёртом – бутерброды с маслом и сыром, на пятом – пирожки с мясом, на шестом – пирожки с вареньем, на седьмом – пирожки с капустой, на восьмом – с грибами, на девятом – белый сахар. А десятым ехал игрушечный экскаватор с ковшем.

Первый грузовик просигналил. Это, наверное, означало: не задерживайте машины, приготовьтесь к разгрузке. Машины подъехали к ребятам и остановились. Игрушечный

экскаватор стал двигаться мимо ряда автомобилей и накладывать своим ковшом ребятам в тарелки всё, что привезли машины.

Самоделкин в третий раз легонько махнул рукой. На белую скатерть из окошка под весёлые крики «ура» выплыл сверкающий пузатый новенький самоходный самовар. Да! Да! Он шёл как танк на резиновых гусеницах, пыхтя и покачиваясь. Он вышел на середину стола и замер. А за ним, посвистывая, как паровозик, подкатил на колёсиках чайничек с чаем. Да ещё поливальный автомобильчик с надписью «МОЛОКО».

Все малыши протянули к нему свои чашки, и он сам налил каждому сколько полагалось. Потом самовар налил в каждую чашку горячей воды. Начался пир.

Вот Клеточка сказал «мяу», и экскаватор протянул ему пирожок с мясом. Коза Бубенчик вежливо боднула стол рожками. Экскаватор подал ей печенье и булочки. Собака Тиграша вильнула хвостом и получила бутерброд.

– Надо взять сахар для попугая Ку-Ку, – сказала девочка.

– Он разве Ку-Ку? – не согласился Прутик.

– Ну конечно, – кивнула уверенно девочка.

Глава четвёртая, почему-то немножко грустная

Карандаш в это время вернулся в класс. Он хотел смыть чучело-бабучило, которое нарисовал Прутик.

В классе было тихо. Лошадки тихонько покачивались, ожидая, наверное, своих отважных и ловких всадников. Пароход поблёскивал чистыми стеклянными иллюминаторами: так называют окошки на всех пароходах.

Карандаш подошел к стене и взглянул на чучело-бабучило:

– Ай-ай, разве такие глаза бывают? Ай-ай-ай!..

– Ай-ай! – сказал попугай Ку-Ку. – Ай-ай-ай!

У чучела-бабучила были смешные ручки и ножки, и сам он получился очень смешной. Только глаза – маленькие точки, совсем крапинки.

– Всё не так. Всё не так, – сам себе говорил Карандаш.

– Не так! Не так! – повторил попугай, махнув крылом. – Ку-ку!

Хороший учитель никогда не пройдёт мимо ошибки своего ученика. Художник машинально исправил чучелу-бабучилу глаза. Какая непростительная рассеянность для волшебника!

– Вот как надо... Ну теперь и смывать можно, – проговорил он, оглядывая рисунок.

Потом Карандаш подкатил к стене пароход, поднялся на капитанский мостик и нарисовал вверху на стене дождевую хмурую тучку.

Вот капнули первые блёстки дождя. Художник спустился на пол. И тут ему показалось, что маленькое чучело-бабучило плачет. Слезы бегут из нарисованных кисточкой глаз.

«нет, это, наверное, дождевая капля мелькнула под грустными глазами чучела-бабучила», – подумал Карандаш и вышел из класса, не притворив за собой дверь.

Окно в классе было открыто. Подул ветер. Он подхватил тучку и вынес её на улицу. И все прохожие очень удивились, когда вдруг начался звонкий летний дождь.

– Откуда он взялся? – удивлялись прохожие. – Только что небо было чистое, как стёклышко, – и вдруг дождь! А мы зонтики не взяли. Ай-ай!

В классе уже никого не было. Ни тучки, ни чучела-бабучила. Его, наверное, смыло дождём. Хотя вроде и дождь в классе не капал. Ветер унёс тучку. Лишь один попугай Ку-Ку сердито покрикивал непонятно почему:

– Кыш! Кыш! Кыш!

Глава пятая, но только её половина, в которой спрашивается: какое чудо на свете самое удивительное?

Когда начался новый урок, Чижик спросил:
– А какое чудо на свете самое удивительное?
– Самое удивительное? – замер на месте Карандаш. – Разве тебе мало чудес, которые были в школе?
– Ну а самое-самое? – настаивал мальчик.
– Ой, – прошептал художник, оглядываясь, как будто он хотел найти Самоделкина, чтобы учёный Самоделкин ответил мальчику.
– Верно, – подхватили ребята. – Какое чудо на свете самое удивительное?
– Надо подумать, – сказал Карандаш. – На свете много чудес.
Он подумал.
– А не спросить ли вам о чём-нибудь другом? А? – сказал Карандаш.
– Про что-нибудь? – задумчиво поглядел в окно Чижик.
– Про что угодно, – кивнул Карандаш.
– Не скучно ли дереву стоять всё время на месте? – спросил мальчик.
– Да, – согласился Прутик, – не скучно ли?
– А больше вы ничего не хотите узнать? – воскликнул удивлённый учитель.
– Можно мне спросить? – подняла руку девочка. – Не больно ли ёжику с другой стороны?
– Какому ёжику? С какой стороны? – ещё сильнее удивился художник.
– От колючек, – пояснила девочка, – с той стороны.
– Ой-ёй-ёй, – сказал находчивый Карандаш, – я забыл уточнить у Самоделкина, в какое время у нас будет обед. Подождите меня в классе...
Художник спрыгнул с капитанского мостика и убежал к Самоделкину.
– Послушай, Самоделкин, – воскликнул он, – я, наверное, никуда не годный учитель! Ребята спрашивают, а я не знаю, что им ответить.
– Какие пустяки! – слегка удивился железный человечек. – Не может этого быть. О чём они тебя спрашивают? Я тебе в один миг отвечу.
– «Не скучно ли дереву стоять на месте?»
Железный человечек только звякнул своими пружинками.
– «Не больно ли ёжику от колючек?»
Пружинки Самоделкина почему-то заскрипели.
– «Какое чудо на свете самое-самое удивительное?» Вот, – вздохнул художник. – Видишь, я не виноват.
Но Самоделкин подумал и вдруг весело зазвенел:
– Спроси об этом у самих ребят! Ишь какие хитренькие! Сами спрашивают – пускай сами попробуют ответить.

Вторая половинка пятой главы

Художник вошёл в класс, поднялся на капитанский мостик и лукаво поглядел на ребят:
– Кто сумеет ответить: какое чудо на свете самое удивительное?
– Самое-самое чудо – это книжка! – сказала девочка.
– Тю! – иронически заметил Прутик. – Почему книжка?
– В ней так много всего прячется, – тихо ответила девочка.
– Прячется? В бумажке? – засмеялся Прутик.
– На неё смотрят, а из неё сказки бегут, – совсем тихо сказала девочка.
– Бегут? Сказки бегут?! – воскликнул Карандаш. – Умница! Конечно, книга – самое

замечательное чудо! – Художник укоризненно поглядел на мальчика. – Дорогие мои ребята, – сказал он, – возьмите какую-нибудь книгу в руки. Она сделана из простой бумаги. Но вы берёте книгу. На белых страницах напечатаны какие-то значки, точки-крючочки, штучки-закорючки. Глаза ваши смотрят на таинственные знаки, смотрят на буквы. Смотрят – и вдруг начинается удивительное волшебство. Перед вами оживают разные приключения. Люди, не знакомые вам до сих пор, говорят с вами, рассказывают о себе. Они зовут вас туда, где вам не приходилось бывать... Нет на свете чуда удивительнее, чем КНИГА. Поэтому каждый волшебник должен быть грамотным. Знаете ли вы какие-нибудь буквы?

Так сказал Карандаш. Но, по-моему, теперь таких ребят нет, чтобы не знали ни одной буквы. Кот Клеточка и собака Тиграша не знают ни одной буквы. Кот и собака вошли в класс, легли около ребят и стали жмуриться на всякие умные речи.

– Знаем! – ответили ребята.

– Я умею писать «мама» и «папа», – сказала Настенька.

– А я – «папа» и «мама», – сказал Чижик.

– Ма-ма! – громко повторил попугай.

– Очень хорошо, – похвалил учитель. – Я сейчас напишу на стене одну сказку. Некоторые слова я в ней нарисую. А чтобы эти мои картинки не оживали, я буду оставлять их недорисованными. Вот слушайте... Наступила весна...

И Карандаш написал на стенке: «Наступила весна» и прочёл вслух:

– Наступила весна.

Дальше Карандаш написал «пригрело». Рядом с этим словом художник нарисовал солнышко. Только не совсем, а чуть-чуть не дорисовал, чтобы оно вдруг настоящим не сделалось.

– Что пригрело? – спросил художник и показал на рисунок.

– Солнышко пригрело! Солнышко! – сказали ребята.

– Молодцы! – похвалил Карандаш и нарисовал всю сказку.

И ты сам должен прочесть её, потому что, пока ты её не прочтешь, я не могу дальше рассказывать. Вот она, эта сказка.

Только, пожалуйста, ничего не дорисовывай. А то как бы чего не случилось. И не удивляйся тому, что у зайки в сказке одно ухо, у волка и льва три лапы. Ты помнишь, как сказал Карандаш: это для того, чтобы рисунки не оживали. Не хватало в школе, кроме козы, кота, собаки и попугая, ещё и зайца, и лисы, и льва, и даже царя с короной. Это было бы слишком!

Но давайте прочтём эту сказку, нарисованную Карандашом, как читают её ребята в первом классе Волшебной школы.

Хвастунишка

Наступила весна. Пригрело... Вырос на поляне первый... А мимо него пробежал... «Ты кто?» – спросил... «Я – Грозный...», – соврал, – я царь зверей. Меня все боятся. И..., и..., и..., и...» Но тут на поляне появилась... «Кто это?» – спросил... «Это...», – прошептал... Как вы думаете, ребята, что сделал этот..., когда увидел такую...?

– Он её разорвал, – сказал Прутик, и все засмеялись.

– Как же он мог её разорвать, если он совсем и не лев, а зайчишка-трусишка? – спросила Настенька.

– Трусишка-врунишка, – подхватил Чижик. – Он убежал.

– Вы читаете просто замечательно, – похвалил Карандаш. – Из вас получатся настоящие волшебники... А теперь новая сказка.

И Карандаш написал на стене другую сказку.

Тучка

Однажды плыла по небу дождевая... А по дороге шёл... «Давай поиграем, – сказала..., – я тебя дождём обрызгаю». – «Лучше обрызгай..., а потом и...» Но услышала и прыгнула на..., а залезла под..., а сказала: «Я не..., чтобы меня поливать». И раскрыла... Все спрятались. И тогда полила..., а заодно и...

– Он хотел, чтобы другие намокли, – сказала Настенька, – теперь сам простудится. Мне его жалко.

– Совершенно верно. Это значит: вы правильно прочли сказку. А теперь нам надо освободить стену. Мы смоём эти надписи.

Он поднялся на капитанский мостик и нарисовал в верхней части стены синюю дождевую тучку. В комнате запахло грозой, как в лесу в тёплый летний день. И вдруг в комнате загремел несильный, но всё-таки настоящий гром. «Бух-трах-тарарах! Бух-трах-таррррарах!!»

Мальчики спрыгнули со своих лошадок и бросились в дождь. В самый настоящий дождь. «Динь-кап-кап! Динь-кап-кап!»

– Дождик! – закричали они, подпрыгивая под звонким дождём. – Дождик! До-ождик!

Собака Тиграша кинулись к ним и, восторженно лая, стала прыгать вместе с ребятами. А Кот Клеточка сиганул в окно, хотя коты во время дождя прыгают, наоборот, с улицы в окно.

– Ах, что я наделал! – воскликнул учитель. – Они же промокнули! Ай, ай!

– Заболеют, – сказала Настенька.

Художник тут же нарисовал три зонтика. Но только Настенька заметила протянутый зонтик и взяла в руки. Мальчики словно ошалели от радости.

– Дождик! Дождик! До-о-ождик! Чудо-юдо!

И прыгали под голубыми каплями.

– Чудо-юдо! – сердито фыркнул мокрый попугай Ку-Ку.

Дождик смыл рисунки с надписями. Правда, не все. Потому что много дождинок упало на ребят. Зайка с одним ухом и лев с тремя лапами так и остались на стене.

Тут в комнату заглянул Самоделкин.

– Брр! – сказал он.

Вы помните: Самоделкин – железный человечек и поэтому боится воды.

– Бррр! – повторил попугай, отряхиваясь.

– Что делать? – спросил Карандаш. – Они промокнули!

– Педагогическая ошибка, – по-учёному сказал Самоделкин.

– Ошибка! Ошибка! – крикнул очень сердито попугай Ку-Ку.

– Я не подумал. Я не мог предположить, – оправдывался Карандаш.

– Ничего страшного. Сейчас я принесу щётки и тряпки. Пусть ребята вытрут пол, – сказал Самоделкин.

– Что ты! Они такие маленькие! – ахнул Карандаш. – Им не сладить.

– А если паркет испортится? – железный Самоделкин почему-то нахмурился.

– Карандаш новый нарисует! – пискнул прыгающий весёлый Прутик.

Самоделкин задрезжал своими пружинками и хлопнул дверью.

Художник нарисовал мохнатые полотенца, новую сухую одежду, ботинки. А ребята прыгали, смеялись, как будто это был не дождик, а радостный праздник.

И как не смеяться? Ты когда-нибудь прыгал под нарисованным дождём? Ты когда-нибудь обтирался после дождя нарисованным полотенцем? То-то и оно!

Глава шестая, о том, как лечат в необыкновенной школе

Переодетые мальчики побежали в спальню. Это была такая школа, где ребята могли не только заниматься, но и спать, когда нужно. Мокрую одежду они повесили на открытой веранде, на верёвочке, которую тут же нарисовал Карандаш. Он и гвозди нарисовал на столбах веранды. Их даже не пришлось вколачивать. Нарисовал – и готово, привязывай верёвочку.

– А-апчи! – неожиданно для всех чихнул Чижик. – А-апчи!

– Он заболел! – всплеснула руками девочка. – Я так и знала.

Карандаш побледнел:

– Мальчик заболел?

– Конечно, – кивнула девочка. – Он простудился.

– Послушай, Самоделкин, – позвал Карандаш, – мальчик заболел!

– Они сильно промокли, – заметила девочка, – и простудились. Им надо поставить горчичники.

– Тебе горчичники! – возмутился Прутик. – Они кусаются!

– Я тоже совсем не люблю горчичники, – сказал Чижик.

– Какие глупости! – зазвенел Самоделкин. – Даже слушать удивительно. Мальчики боятся горчичников? Ай, ай!.. Нарисуй, пожалуйста, нам дюжину горчичников.

Добрый художник вздохнул.

– А нельзя ли чем-нибудь заменить горчичники? – спросил он у Самоделкина. – Мальчики такие маленькие. Неужели тебе их не жалко?

– «Мармеладники» ты не хотел бы нарисовать или «шоколадники»? Или «арбузники»? Пожалуйста, не будем терять время, – зазвенел Самоделкин. – Волшебник не должен бояться горчичников. Нарисуй нам хорошие свежие горчичники.

– А я сделаю всё как надо, – сказала девочка. – Они больше не станут чихать и кашлять. Как будто кто-то кашлял.

Карандаш опять вздохнул и начал рисовать горчичники. Настенька надела белый фартучек, принесла тарелку с тёплой водой, поставила на тумбочку. А суровый железный Самоделкин сказал:

– Снимайте, ребята, рубашки.

Мальчики сняли рубашки.

Настенька деловито намочила горчичники, налепила их на смуглые спинки, обернула заботливо мохнатыми полотенцами. Всё как надо.

– Потерпите. Будет очень щипать, но вы, пожалуйста, потерпите.

– Ой! – сказал Прутик.

– Уже кусает? – спросил железный Самоделкин.

– Щекотно, – ответил мальчик.

– Не может этого быть, – заметила девочка. – Скоро будет щипать.

И все начали ждать, когда горчичники станут кусаться и щипаться.

– Ну как? – спросила девочка.

– И мне щекотно, – сказал Чижик.

– Ещё подождём, – звякнул суровый доктор Самоделкин.

– А теперь? – спросила девочка.

– Очень щекотно, – сказал Прутик. – Даже смеяться хочется. Как будто мышка царапает. Я никогда не встречал таких замечательных, таких щекотательных горчичников!

Самоделкин подозрительно поглядел на художника:

– Ты ничего не перепутал? Ну-ка, посмотрим, какие у них такие горчичники!

– Надо снимать очень осторожно, – сказала девочка. – У них, наверное, всё покраснело и болит. Лучше я сама сделаю.

Настенька сняла мохнатые полотенца и отлепила горчичники. Девочка так и села от удивления.

– Ты что натворил? – воскликнул изумлённый Самоделкин. А Карандаш смущённо

склонил голову.

На спине у Прутика сияли цветные картинки: весёлые зайцы с морковками. А на спине у Чижики красовались нарядные золотые рыбки.

– Что это значит? – негодовал Самоделкин.

– Я вместе горчичников нарисовал... переводные картинки, – вздохнул добрый художник. – Малыши такие слабенькие...

И все начали смеяться. А если человек смеётся, он, конечно, выздоравливает от любой простуды.

Глава седьмая, где начинаются необъяснимые таинственные события

Вернулись ребята в класс и как ни в чём не бывало сели на своих лошадок.

– Цып-цып-цып! – говорил учёный попугай, словно желая скорее собрать всех на занятия. – Цып-цып-цып!

– Начинаем урок Фантазии. – Художник торжественно поглядел на ребят с высокого капитанского мостика. – Волшебник без фантазии – всё равно что велосипед без колёс, Луна без неба, рыбка без воды, огурчик без пупырышков, мышонок без хвостика. Вот такая важная штука – ФАНТАЗИЯ... На этом уроке, дорогие мои будущие волшебники, вы станете рассказывать мне самые разные небылицы, кто какую придумает...

Ребята закачались на лошадках, а это означало: тема урока всем понравилась.

– Я буду ставить вам отметки, – сказал Карандаш. Он заглянул в каюту парохода и вынес из неё большой классный журнал. – Кто не сложит небылицу, тот получит единицу. И я буду вынужден оставить его после уроков для дополнительных занятий.

Учитель говорил строго и смотрел строго, но ребята запрыгали на лошадках ещё сильнее. Ребята не могли на таком уроке сидеть спокойно. Где, скажите, на уроке надо рассказывать небылицы? Где, кроме как в этой необыкновенной школе?

– У зайки два уха, – вдруг сказала Настенька.

– В этом нет никакой небылицы. Всем известно: у зайки два уха, – заметил Карандаш.

– У льва четыре ноги, – снова объявила Настенька.

– Я тобой недоволен, – покачал головой художник. – Всем известно, у льва четыре лапы. Для этого фантазии не надо.

– На картинке у зайца два уха и четыре лапы у льва. – Настенька показала на стенку, где остались несмытые дождём рисунки.

– Хм! В самом деле. – Карандаш удивлённо разглядывал свой рисунок. – Ты наблюдательная девочка. На уроке Внимательности я поставлю тебе самую высокую отметку... Но кто же дорисовал ухо зайцу и лапу льву? А?

Карандаш оглядел класс. Ты, конечно, помнишь, он оставил рисунки неоконченными, чтобы картинки не оживали. А тут кто-то взял и дорисовал их. Зайке – ухо, а льву – лапу.

Рисовал, очевидно, совсем не волшебник: лев и заяц не оживали.

– Прутик, это не ты?

– Не я, – ответил Прутик.

Художник вздохнул. У Прутика можно было и не спрашивать. Если Прутик дорисует, он, конечно, сделает зайке три уха, а льву шесть лап или семь. Он такой.

А Настенька нарисует ухо, потом цветочек подрисует в ухе.

А Чижик нарисует велосипед. Если нет лапы, не ходи пешком. Садись, лев, на велосипед, и никто тебя не догонит: ни заяц, ни охотник.

– Мы тоже не рисовали, – сказали Чижик и Настенька.

– Невероятно, – вздохнул Карандаш. – Но не будем отвлекаться... Итак, урок Фантазии. Чижик, расскажи нам, пожалуйста, свою небылицу.

– Живёт у меня дома, – начал уверенно мальчик, – собака по имени Бобик...

И это уже была небылица. Во-первых, потому что Бобик. Никакого Бобика у Чижа нет, я знаю. Во-вторых, потому что собака. Никакой собаки, не то что Бобика, у него нет. Она могла, конечно, быть. Но мама сказала: «Я буду жить на балконе! Я с вами жить не буду!...» Поэтому он говорил настоящую правдивую небылицу.

– Мы тебя слушаем, – сказал учитель.

У меня дома живет собака по имени Бобик. Однажды она взяла мочалку и мыло и стала мыться в ванной. Мама увидела и сказала: «Что же ты, Бобик, холодной водой моешься? Чихать будешь». – «А мне, – сказал Бобик, – надоело, как все собаки, лаять. Я чихать буду. Чтобы мне каждый день „будь здоров“ говорили...»

Все весело засмеялись. Учителю даже показалось, будто в саду за окном тоже кто-то весело смеётся и хлопает в ладоши.

– Молодец, – похвалил учитель. – Ставлю тебе высокую оценку. Думаю, все ребята могут придумать не хуже... Настенька, расскажи нам, пожалуйста, небылицу.

– Небылицу? Можно, я про кита расскажу?

– Давай про кита...

– Ну вот... У меня дома в ванной живёт кит. Он пьёт кефир из бутылки и никого не обижает. А по ночам булькает своим фонтанчиком и никому спать не даёт. А все думают, это кран булькает, зовут слесаря, а слесарь, как увидит кита, в окошко прыгает. Я просто не знаю, что мне с этим китом делать!

– А у меня дома, – вмешался Чижик, – живут мама и папа. Они очень послушные. По утрам всегда умываются и чистят зубы. На кровати не прыгают, подушками не кидаются. Каждое утро по дороге в школу я за ручки веду их на работу. А недавно я повёл маму и папу в цирк. За хорошее поведение. Они были очень довольны и три дня говорили мне «спасибо»...

– Ой, не могу! – засмеялась Настенька.

А Прутик задумался. Это не так просто, придумать небылицу. Фантазировать – это совсем не просто.

– Мой любимый прадедушка, – вспомнил мальчик, – до самой пенсии работал пиратом...

И все начали смеяться. Пиратам пенсию не дают. И пират – это не работа, а неизвестно что.

– Морским разбойником работало мой любимый прадедушка, пиратом, – пояснил Прутик. – У него на балконе стоял большой-большой, чёрный-чёрный сундук с белыми косточками на крышке. А в сундуке лежала старинная-старинная карта. Она была такая старинная, что прадедушка подклеил её сам газетой. Иначе она вся бы разорвалась. Однажды я нашёл этот сундук, – сказал Прутик таинственным голосом и поглядел на девочку.

И Настенька притихла. И все почему-то притихли.

– Я хотел открыть его, а сундук вдруг ка-ак... а он вдруг как прыгнет с балкона, как загудит...

Ребята вздрогнули. В саду под окном кто-то крикнул тоненьким весёлым разбойничьим голосом:

– Уу-ууу!

– Ой, – прошептала Настенька.

– Ой, – сказал Прутик, не ожидавший ничего подобного.

– У-ух! – повторил тоненький разбойничий голос.

– У-у! – подхватил учёный попугай. – Кыш! Кыш!

– Это кто нас пугает? – сердито сказал Карандаш.

Ребята спрыгнули с лошадок. Учитель подбежал к окну. Там никого не было. Только малозаметные следы на дорожке вели в мохнатый кустарник.

– Никого нет, – удивился Карандаш. – Ерунда какая!

Он дёрнул за верёвку пароходного колокола. Динь-динь-динь!

– Урок Фантазии окончен. Перемена.

– Перемена! Кыш! Кыш! – говорил учёный попугай ребятам. – Кыш!
Он хотел, наверное, сказать: нечего сидеть в классе. Кыш отсюда. Кыш.
– Очень жаль, – возразил Чижик. – Мы так и не узнаем, почему сундук с балкона прыгал...

Глава никакая, потому что снова перемена

Учитель Карандаш пошёл к Самоделкину.
– Слушай, Самоделкин, ты научи ребят, как правильно делать зарядку, а я должен поискать.
– Кого? – спросил железный человечек.
– Я не знаю.
– Чего же ты будешь искать?
– Я буду искать «У-уу».
– А как оно выглядит, «У-уу»?
– Я не знаю.
– Тогда я пойду на зарядку... Эй, малыши! – позвал он. – Будем делать зарядку!
– Зарядку? – спросила девочка. – Зачем волшебникам делать зарядку? Зачем?
– Не хочу никакой зарядки, – решительно заявил Прутик. – Волшебникам зарядка ни к чему. Ерунда – зарядка.
– Пускай неволшебники делают зарядку, – согласился Чижик.
– Тогда покажите мне, как лягушки прыгают, – попросил хитрый Самоделкин. – Я забыл, как они прыгают. Кто знает, как лягушки прыгают?
– Я! – в один голос ответили ученики. – Я знаю, как лягушки прыгают.
– Проще простого, – сказал Чижик и запрыгал по садовой дорожке высоко и ловко.
– Так воробышки скачут, а не лягушки, – заметил Прутик. – лягушки приседают, а потом – прыг! И лапки в стороны.
– Покажи, мальчик, покажи, – подзадоривал Самоделкин. – Прыг-скок...
Они взяли друг друга за руки и запрыгали все вместе.
Выше всех, конечно, подпрыгивал Самоделкин.
– Раз-два! Раз-два! Раз-два! – приговаривала Настенька.
– Ква-ква! Ква-ква! – смеялся Прутик.
Они так прыгали, что прохожие, которые шли мимо ограды школьного сада, останавливались и говорили:
– Тут, наверное, школа цирковых акробатов. Ай, какие ловкие!
– Но зачем тогда, скажите на милость, – не поверил один прохожий, – в саду голубой шар? Зачем акробатам шар? А?
– В самом деле, не понятно, – согласились прохожие.
Тут один маленький мальчик посмотрел на прохожих и сказал:
– Всё понятно.
Маленькие всегда понимают лучше многих прохожих.
– Они от радости прыгают. Вот, – сказал мальчик.
И я не могу с ним не согласиться. Никаких чудес не бывает без радости. Ни один волшебник не может обойтись без неё, без радости. Не будет радости – не будет никакой Волшебной школы.
Озадаченный художник между тем ходил в зарослях, шарил в траве, надеясь найти какие-нибудь следы. И ничего не видел.
Школьный сад очень густой. В нём даже пальмы растут с орехами. Орехи большие такие, называются они кокосовые. Величиной с маленький арбуз. А в них прохладная жидкость, похожая на молоко. Их никто в саду не сажал. Однажды эти пальмы нарисовал

Карандаш. Он подумал: сад будет наряднее от бананов и ананасов. Взял и нарисовал. И жуков нарисовал – светлячков, как в настоящем тропическом лесу. Не бывает на свете хорошего тропического леса без летающих светлячков. Днём их не видно, зато ночью пальмы очень красивы от голубого сияния. Жуки летают, как маленькие фонарики...

Озабоченный Карандаш ходил по этому саду – и вдруг ему почудилось, будто кусты на лужайке, у фонтана, где занимались ребята, колыхнутся, прыгают и приговаривают:

– Раз-два! Раз-два!

Карандаш бегом поспешил туда. И ничего не нашёл. Один шорох и шелест. Правда, совсем близко, как ему показалось, кто-то крикнул тоненьким голоском: «Ку-ку». Но кто может в саду кричать «ку-ку», если не кукушка? В таком необыкновенном саду не то что кукушка, попугай с павлином с радостью поселились бы и никогда из него не улетали.

На всякий случай Карандаш крикнул:

– Эй, ты, выходи отсюда немедленно, да поживей, пока тебя комарики не закусили! Я кому говорю!

А в самом деле, кому? Там никого не было. Только снова из гущи веток донеслось «ку-ку». Будто ветки дразнились тоненьким голоском: «Ку-ку!»

Это, конечно, мог бы сказать учёный попугай Ку-Ку. Но учёные попугаи потому и называются учёными, что любят сидеть в учебных комнатах, а не шататься по лесам и пальмам.

Самоделкин с укоризной посмотрел на Карандаша и покачал головой, потому что не слышал никаких «ку-ку».

Глава восьмая, научная, в которой не в болоте, а в кадушке жили-были две лягушки

Самоделкин позвонил в пароходный колокол, приглашая всех на последний урок. Учёный попугай тоже громко позвал: «Цыпа-цыпа-цыпа!» И раньше ребят в класс пошли кот и собака, посидеть и послушать умные разговоры.

А между тем в городе наступил вечер, и летние сумерки отуманили улицы, необыкновенную школу, и сад, и всех прохожих на улице, и все автомобили, которые, чтобы не потеряться в ранних сумерках, зажгли у себя рубиновые огоньки.

Фонтан в саду булькал потише, по-вечернему. Под голубым шаром едва заметно проступили звёзды. Он покачивался над верхушками тёмных деревьев, похожий на луну.

– Волшебнику надо знать всё, – начал урок Самоделкин. – И таблицу умножения обязательно, и правила сложения и вычитания.

– А зачем? – удивился Прутик.

– Ты меня огорчаешь. Как это зачем? А если тебя попросят: пожалуйста, нарисуй нам пять яблок, румяных и золотистых. А ты вместо пяти нарисуешь восемь.

– Будет очень хорошо, – сказал Прутик. – Я лишние сам съем.

И все ребята прыснули от смеха.

– Подумают люди: Прутик жадный, – сказал учитель Самоделкин. – И станут смеяться и говорить: или он до десяти считать не умеет, или он жадина.

И вдруг кто-то насмешливо сказал:

– Жадина-говядина, солёный помидор!

– Чижик, невежливо так говорить про своего товарища, – заметил Самоделкин.

– Сам жадина-говядина, – сказал Прутик.

– Я не говорил, – обиделся Чижик. – Наверное, попугай сказал.

– Это в окошко крикнули, я слышала, – сказала Настенька.

Самоделкин выглянул в окно:

– Эй, кто там?... Нет никого...

Самоделкин закрыл окно.

– Мальчишки, наверное, хулиганят, – сказала Настенька. – Похоже на мальчишек.

– Не будем отвлекаться. Прутик, реши нам, пожалуйста, задачу. Послушай условия задачи.

Самоделкин заглянул в каюту парохода, вынес большую учёную книгу, открыл её на сорок второй странице и прочёл:

Не в болоте,
А в кадучке
Жили-были
Две лягушки.
Если будет
Пять кадучек,
Сколько станет
В них лягушек?

Самоделкин закрыл книгу.

– Подумай, прежде чем ответить.

Прутик подумал.

– А в кадучке вода холодная или горячая?

Ребята засмеялись.

– Не задавай глупых вопросов. Лягушки в горячей воде не купаются и не плавают. –

Самоделкин забренчал своими пружинками.

– А кадучки высокие или невысокие? – уточнял Прутик.

– Высокие, – рассердился учитель. – Высокие, деревянные, из-под солёных огурчиков.

– А кто их тогда в кадучки бросит? – наивно спросил Прутик.

Ребята фыркнули.

– Кто не хочет знать математику, – строго заметил Самоделкин, – тот некогда не сумеет летать на воздушном шаре и не увидит моря и горя, далекие земли, необыкновенные города.

– Карандаш нарисует море. Большое-большое, синее-синее. Зачем далеко летать? – сказал Прутик.

Самоделкин задрожал всеми своими пружинками, так он рассердился.

– Карандаш! – позвал Самоделкин. – Иди, пожалуйста, сюда!

Карандаш тут же вошёл в класс:

– Кто меня звал?

– Ты послушай, – сердито звенел Самоделкин, – какая беда! Послушай, о чём говорит мальчик! Он говорит: «Карандаш нарисует море и горы, невиданные земли. Нарисует, поэтому не надо путешествовать! Он лентяй. Не хочет учить математику. Мы напрасно приняли его в школу.

Я не могу вам передать, как побледнел волшебный художник!

– Мальчик не хочет путешествовать? Не может этого быть! Мальчик, подумай только, мальчик не хочет путешествовать! Или он болен? Конечно, болен! Это мы с тобой виноваты! Он устал. Он такой маленький. Прутик заболел. Надо скорее позвать «Скорую помощь», позвать учёного доктора. Нельзя терять ни минуты!

– Ах так! – зазвенел Самоделкин. – Я знаю, что делать. Я сам... Я побегу! Я найду самого учёного-разучёного доктора. Такого доктора, такого... Мальчик, видите ли, болен!

Самоделкин выбежал из класса, подпрыгивая на своих пружинках, так он спешил найти учёного доктора.

– Бедный Прутик, – сказала девочка. Она подошла к нему и стала трогать больному лоб. – Надо лечь в постель и выпить лекарства. Таблетки, микстуру и порошки.

– Ай-ай, что мы наделали! – совсем побледнел художник. – Ай-ай!

Но тут кто-то громко постучал в дверь, и в класс вошёл доктор в белом халате с

научным таким докторским чемоданчиком.

– Здравствуйте, – сказал доктор и почему-то внимательно осмотрел и поправил свой халат. Будто боялся, как бы кто не увидел, что у него там под халатом. – Я очень спешил. Я доктор. Кто вызывал «Скорую помощь»? Где больной? Покажите мне больного мальчика.

И всем показалось, будто в халате у доктора что-то звенит, а сам он слегка подпрыгивает от волнения.

– Вот он, – сказал Карандаш. – У них сегодня был очень трудный день. Прутик сначала не хотел учить математику, а потом сказал: не хочу путешествовать.

– Хм, – покачал головой учёный доктор. – Очень серьёзная болезнь. Откройте рот. Скажите «а-а».

И всем показалось, будто в халате у доктора что-то звенит от волнения.

– А-а! – сказал Прутик.

– Вертольюттики макабучки, – задумался учёный доктор, слегка подпрыгивая на месте. И никто не мог понять учёных слов. Учёные доктора иногда разговаривают совсем непонятно.

Макабучки! – повторил попугай, а Карандаш побледнел ещё сильнее.

Чижик взглянул на доктора и спросил:

– А почему вы так подпрыгиваете?

– От волнения, мальчик, от волнения, – сказал учёный доктор.

– А почему вы так звените? – спросил Чижик, подозрительно прислушиваясь.

– Бульяки закаляка, – задумчиво произнёс доктор и не ответил. Учёные доктора не любят, когда мешают лечить больных. Он только плотнее запахнул свой халат.

– Пожалуйста, помогите, уважаемый доктор, – умоляюще сказал Карандаш.

Доктор подумал-подумал, открыл свой чемоданчик и снова стал думать, как думать всякий учёный доктор.

– Таблетки мальчику не помогут, – нахмурился доктор.

– Не помогут, – вздохнул Карандаш.

– Микстура мальчику не поможет, – сурово добавил доктор.

– Не поможет, – затрепетал Карандаш.

– Мальчику необходима лечебно-учебная пластинка! – решил доктор.

– Какая пластинка? – не понял художник.

– Вот она. – И доктор достал из чемодана пластинку для проигрывателя. – На этой пластинке, – сказал учёный доктор, – вся математика записана. Лечение такое: пластинка всю ночь говорит, а мальчик спит. Он утром встал, а у него вся математика в голове.

– Замечательно! – воскликнул Карандаш. – Чудесное лекарство! Большое вам спасибо, уважаемый доктор!

– Но мальчик должен спать один, – строго добавил доктор и почему-то зазвенел. – Бульончики курикуки. До свиданья...

Доктор ушёл, а через минуту вернулся учитель Самоделкин, и Карандаш рассказал ему про учёного доктора и лечебную пластинку.

– Я так и думал, – кивнул железный человечек. – Бульончики курикуки... – звенел он. – То есть виноват, я хотел сказать: мальчик будет спать один. Инфекция очень опасная...

– Бульончики курикуки, – важно заметил попугай. – Вертольюттики макабучки...

Глава никакая, потому что настала ночь

Чижик и Настенька после такого удивительного дня уснули в один миг в спальне для ребят. А Прутика положили на диване в белой комнате, с белыми шторами на окнах, с белыми шкафчиками у стены, в которых стояли самые разные лекарства. Эта комната была на всякий случай, для ребят, если кто-нибудь из них нечаянно заболит.

Мальчик уснул. И тогда Самоделкин поставил рядом с ним проигрыватель с

учебно-лечебной пластинкой. Потом нажал кнопку аппарата и вышел из комнаты.

Карандаш выпустил в ночной сад необыкновенную собаку Тиграшу. Такой собаки в темноте любой разбойник испугается, подумал Карандаш. И скучно ей не будет, потому что в саду гуляла коза Бубенчик. Она рвала бананы с деревьев и тихонько звенела своим бубенчиком.

Художник ушёл спать в комнату, на дверях которой висела табличка, привинченная шурупами:

КОМНАТА КАРАНДАША И САМОДЕЛКИНА

Зелёный кот Клеточка один ходил по комнате и никому не мешал. Когда коты по ночам ходят, их почему-то никто не видит и не слышит.

На кухне затих пузатый самовар на гусеницах. Маленькие самосвалы с печеньем и конфетами замерли в своём большом белом гараже, который все, кроме Самоделкина, почему-то называли буфетом.

Было очень тихо. Только там, где спал Прутик, механический ровный голос говорил и говорил:

Подарил ежатам ёжик
Восемь новеньких сапожек.
От восторга ежата визжат.
Сколько было у папы ежат?

Учебная пластинка вертелась, а мальчик спал и не видел, как зелёный кот вошёл в комнату.

– Подумай, – плавно говорил механический голос, – подумай: сколько было ежат? Помни: к четырём прибавить четыре – будет восемь. Дважды два – четыре. Дважды четыре – восемь.

Учебная пластинка вертелась, и свет луны прыгал на ней, как солнечный зайчик, вернее, как лунный, потому что была ночь. А может быть, не как лунный зайчик, а как лунный мышонок. Потому что кот вдруг насторожился. Его зелёные глаза в темноте сверкнули, как два маленьких светофора. Он пошевелил зелёными усами, выгнул спину и стал подкрадываться к лунному зайчику или мышонку.

Пластинка вертелась, как блестящий волчок. Зелёный кот подкрался и прыгнул на неё, потому что коты не могут спокойно смотреть, если что-нибудь вертится, прыгает или убегает. Но попробуйте бросить на пластинку шарик из бумаги. Он полетит, как пуля. Кот прыгнул на пластинку с математикой. Зелёного кота Клеточку завертело, закружило. Он заорал и вылетел, как пуля, в открытую форточку.

А под окном в эту минуту собака Тиграша, подняв кверху одно ухо, внимательно слушала: кто это всё время говорит в комнате про ежат, про лягушек, про новые сапожки? Не надо ли по этому случаю залаять? И вдруг на Тиграшу плюхнулось какое-то Зелёное Усатое, Мяукающее Диким Голосом. И всё это в клеточку.

Собака залаяла. С перепугу она бросилась бежать неизвестно куда.

Зелёное Усатое подпрыгнуло, зашипело и угодило на спину козе, дремавшей под банановой пальмой.

– Мяууу!..

– Бе-ееее! – возмутилась коза Бубенчик и шарахнула через ограду школьного сада прямо на улицу ночного города, и понеслась, и поскакала, звеня бубенчиком, не обращая внимания на светофоры.

На другой день в одном учреждении было продано заявление в кабинет начальника лично:

СЛУЖЕБНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу меня категорически уволить. Потому что я, пребывая на службе, в ночное время уснул. И во сне видел козу васильковой масти. А на козе верхом зелёного кота в шахматную клеточку.

Сторож Удочкин.

Но это было на другой день. А пока разбуженный Карандаш вылетел в сад и закричал:

– Эй, кто там? Выходи! Мы тебя совсем не боимся! Ни капельки не боимся! Кыш отсюда, пока тебя Тиграша не разорвала на мелкие кусочки!

Но в саду, кроме взъерошенной Тиграши, никого не было.

– Ты кого пугаешь? – спросил в окошко сонный Самоделкин.

– Я не знаю, – жалобно ответил Карандаш.

– Ты, наверное, нездоров. Ты много работаешь. Тебе надо съездить на Чёрное море.

– Я здоров, – художник вздохнул. – А ты, – сказал он Тиграше, – никого сюда не пускай.

– Р-ррр! – ответила Тиграша.

Потом она ходила по саду около школы. Сначала тихонько рычала, потом стала повизгивать и вилять хвостом, как будто её кто погладил и почесал за ухом. Но было темно, и я не видел, погладил её кто-нибудь или не погладил.

Глава девятая, о том, как просыпаются ученики волшебной школы

Рано утром Самоделкин вошёл в комнату, где спали Чижик и Настенька.

– Ребята, вставайте! – сказал он, щурясь от яркого солнышка и весело звеня своими пружинками. – Начинается новый день. Умываться пора, одеваться.

Чижик повернулся на левый бок, потянул на себя одеяло, так что стали видны розовые пятки, почесал во сне одной пяткой другую.

Настенька вздохнула, не просыпаясь. Как будто ей не надо было спешить на уроки, не надо умываться и завтракать.

Самоделкин пошёл в комнату, где ночевал Прутик.

– Лежебока, вставай! – позвал Самоделкин.

Учебная пластинка давно уже перестала вертеться. Мальчик спал, как спят все уставшие дети. Он сказал во сне «а-аа», повернулся на правый бок и даже не проснулся.

– Мальчики-девочки! – звенел Самоделкин. – Доброе утро!

Никто не ответил ему. Железный Самоделкин почесал макушку. Так иногда делают, когда над чем-нибудь крепко задумываются.

– Эй, Карандаш, – позвал он, – погляди, пожалуйста, на своих учеников, на этих сплюшек.

– Они, – шёпотом сказал Карандаш, – устали. Они такие маленькие. Пожалуйста, не буди, пусть ещё немного поспят.

– Ни в коем случае! – Железный человечек был непреклонен. – Волшебникам не пристало быть лежебоками, сонями, лентяями... Ты мне скажи, как надо будить мальчиков и девочек, если они спят и совсем не хотят просыпаться?

– Надо подумать, – сказал художник. – Наверное, мамы и папы гладят их по головке.

Он подошёл и погладил макушку Чижика. Мальчик замурлыкал во сне что-то непонятное и крепче зажмурил глаза.

– Хм, – задумчиво сказал художник. – Наверное, папы и мамы включают по утрам какую-нибудь приятную тихую музыку.

– Тю! Может быть, колыбельную? – иронически предположил Самоделкин.

– Я догадался! – воскликнул Карандаш. – Наверное, мамы варят утром вкусную молочную кашу. Она так замечательно пахнет! Поэтому все девочки и мальчики сами собой встают. Я нарисую такую кашу!

– Этого ещё не хватало! – возмутился железный человечек. – Эй, скверные мальчишки! Эй, сплюхи! – закричал он. – Вставайте сию же минуту! И тебе, девочка, стыдно быть лежебокой...

В ответ он услышал дружное посапывание. Под мягкими одеялами никто не шелохнулся.

– Ну я вам покажу!

Самоделкин, подпрыгивая от нетерпения, пошёл в класс, где висел паровой сигнальный колокол. Самоделкин крепко схватил верёвку. Самоделкин хорошенько дёрнул эту верёвку один раз, другой, третий... «Дон-динь-динь-дон! Дон-динь-динь-дон!» – зазвенел колокол на всю необыкновенную школу.

Когда начали звенеть стёкла в окнах, Самоделкин, очень довольный, отпустил верёвку и не спеша отправился к ребятам. Пожелать им доброго утра. Но говорить было некому. Все ребята спали как ни в чём не бывало.

– Ну и ну! – только и мог произнести железный человечек.

– Маленькие... крохотулечки, – вздохнул Карандаш.

– Ах, так! – вскричал Самоделкин. – Тиграша, поди сюда! Ну-ка, разбуди этих маленьких!

Самоделкин, конечно, подумал: собака залает, и все мгновенно проснутся.

Но Тиграша лаять не стала. Она поглядела на ребят, поглядела, подумала-подумала, вильнула хвостом и лизнула Чижика в голую пятку.

Вас когда-нибудь собака лизала в пятку? Наверное, нет. А Чижика лизнула. Мальчик подпрыгнул в кровати. Он закатился таким весёлым смехом, будто ему приснился удивительный клоун и весь цирк в придачу.

А Тиграша лизнула девочку прямо в нос и побежала к ленивому Прутику. Она его тоже лизнула в пятку. Прутик чуть с постели не упал. И все начали хохотать, и прыгать, и кувыряться. И ребята, и Самоделкин, и Карандаш. А собака прыгала выше всех и лаяла, потому что собаки не умеют смеяться.

Глава десятая, самая короткая, потому что в ней только смеются

– Ну, – сказал учитель Самоделкин, когда ребята после завтрака сели на своих лошадок, – я хочу проверить, как Прутик во сне выучил урок математики.

– Пожалуйста, – ответил Прутик. – Я теперь всё должен знать.

– Сколько будет к четырём прибавить четыре?

– Мальчик хотел сосчитать, сколько будет к четырём прибавить четыре, но вдруг неожиданно для себя громко, на весь класс мяукнул.

– Мяуу! – сказал Прутик.

Ребята упали в лошадок от смеха.

Учитель запрыгал на своих пружинках, чтобы никто не заметил, как ему смешно.

Это непедагогично – смеяться над учеником.

– Мяу! – повторил учёный попугай. – Ха-ха-ха! Мяу!

– А сколько будет четырежды два? – спросил железный человечек, едва сдерживая смех.

Прутик хотел подумать – и вдруг сказал непонятно почему:

– Бе-eee!..

Прохожие на улице начали улыбаться и говорить:

– Какая весёлая, удивительная школа! Как они весело и громко смеются! Просто

замечательно!

Так смеялись Чижик, и Настенька, и даже Самоделкин. Учитель не мог удержаться.

– Это мы не проходили... То есть я такого не ожидал, – говорил Самоделкин, заливаясь весёлым звоном.

– Бе-eee! – насмешливо сказал учёный Ку-Ку.

– Ну а трижды три? – звенел Самоделкин. – Будет, наверное...

– Ку-ку! – скрипнул попугай.

– Кукареку! – подхватил Чижик.

– Кукареку-у! – замахал крыльями попугай.

Прутик покраснел, потому что ему очень хотелось ответить, что трижды три будет гав-гав... И он засмеялся громко, вместе со всеми, хотя ему хотелось плакать от стыда.

– Я больше не хочу во сне, – сказал он.

– Умница, – похвалил Самоделкин. – Из тебя всё-таки получится хороший волшебник...

– Волшебник! – повторил попугай Ку-Ку.

Глава одиннадцатая, про такое, чего ни в одной школе никому не разрешают

После урока математики Самоделкин шёл в мастерскую подготовить всё необходимое... Но я не скажу для чего. Мне сразу никто не поверит. И ребята сначала не верили. Я потом расскажу...

Самоделкин шёл в мастерскую, но его позвал Карандаш, отвёл в сторону и шёпотом сказал:

– Она стянула пирожок с яблочным вареньем!

– Кто? – опешил Самоделкин.

– Собака.

– Ну и что? – Самоделкин удивился. – Чиж кормил её. Значит, ей мало.

– Как это что? Собаки не едят пирожки с яблочным вареньем. Она потащила пирожок в сад!

– Выходит, она кого-то угощала? – фыркнул железный человечек. – Не смей меня, пожалуйста. Я начинаю звенеть, когда смеюсь, а ребята подумают – звонок на урок.

– У нас творится невероятное, – снова шепотом сказал художник. – Пирожок – это пустяки. С веранды пропали штаны, рубашка и ботинки! Они сохли после дождя.

– Наверное, сдуло ветром, – предположил Самоделкин. – Ты нарисовал им другую одежду, чего же волноваться?

– На полу веранды остались чьи-то следы, – шептал Карандаш. – Ночью была роса. И как будто кто-то прошёл по веранде босыми пятками.

– Большими? – спросил железный человечек.

– Маленькими.

– А ночью было довольно свежо, и трава мокрая, – задумчиво сказал Самоделкин. – Ты позови собаку. Пусть она следы понюхает.

Художник вздохнул и пошёл искать собаку.

Тиграша, увидев Карандаша, почему-то завиляла хвостом, тихонько заскулила, как будто хотела о чём-то попросить.

Она легла на пол в углу веранды, свернулась калачиком на деревянном полу, встала, опять легла и свернулась калачиком. К сожалению, собаки, даже нарисованные волшебным художником, не умеют разговаривать. Они в придуманных сказках разговаривают, а наша сказка самая правдивая...

Самоделкин позвал ребят в мастерскую, где на полках и столах лежали настоящие новые сверкающие пилы, настоящие молотки, стамески, рубанки, напильники, плоскогубцы, разные сверлилки, отвёртки, гаечные ключи, винты, доски, палочки, фанерки, железки,

прутики, цепочки, проволока и шестерёнки. Железный человечек просиял, когда вошёл в мастерскую.

– Возьмите в руки молоток и покажите, как вы умеете им стучать.

Он дал каждому удобный, ладный, красивый молоток.

– Ну, веселей! Как вы умеете бухать по доске? Или не умеете?

– Можно стукнуть? – неуверенно спросил Чижик.

– Конечно! – воскликнул мастер. – Сколько угодно!

– Громко-громко? – спросил Прутик. И в глазёнках у него сверкнули огоньки.

– Громко-громко, – кивнул Самоделкин.

– А нам не попадёт? – спросила воспитанная девочка.

– Никогда!

Чижик не очень уверенно стукнул по доске. «Бум-бум!»

Прутик осторожно поднял молоток и ударил в доску. «Бам-бам!»

Необыкновенная школа загрохотала, загремела, как будто никому не знакомые великаны спрятались в ней, а теперь хотят расколотить её на мелкие кусочки. «Бум-бум! Бам-бам! Бум-бум! Бам-бам!»

Звенели стёкла, гремели комнаты, грохотала вся необыкновенная школа.

Это будущие волшебники-мастера колотили по доскам, чтобы руки привыкли к молоткам. «Бум-бум! Бам-бам! Бум-бум! Бам-бам!»

Тиграша лаяла, не понимая, что происходит. Самоделкин подпрыгивал, звеня пружинками:

– Ай, молодцы! Ай, хорошо!

«Бум-бум! Бам-бам! Бум-бум! Бам-бам!»

Ребята лихо барабанили по сухим, упругим и звонким доскам. И никто не услышал, даже подозрительный Самоделкин, как под окном кто-то сказал тоненьким голоском:

– Ух, здорово!

Только Тиграша завиляла хвостом и перестала громко лаять. Если собаку погладить, она всегда перестаёт лаять.

«Бум-бум! Бам-бам! Бум-бум!»

– Гром гремит, – говорили прохожие, – а мы зонтики дома оставили. Давно мы не слышали такого грома. Сильная гроза будет!..

– А ну-ка, возьмите каждый по гвоздику! – воскликнул Самоделкин. – Вколотите их в доску!

Гвоздик у Настеньки сразу вылетел в окно. Его потом искали-искали, но почему-то не нашли.

Чижик не смог вогнать гвоздик в доску и очень расстроился.

Прутик нечаянно попал по пальцу и заревел.

Самоделкин успокаивал их:

– Ничего, ребяташки, на первый раз так всегда. Всё идёт как надо.

На рёв Прутика прибежал Карандаш и переполошился:

– Мальчик плачет?!

– Я хотел научить его, как сколотить обыкновенную, очень полезную скамейку.

– Если тебе так нужны скамейки, я нарисую сколько угодно, – проворчал Карандаш. – Мальчик мог повредить себе руку. Чем он будет рисовать волшебные картинки? Надо перевязать ему палец.

Художник в одно мгновение нарисовал бинт. И Настенька забинтовала малышу руку.

– Не плачь, Прутик, – утешала девочка. – Я тебе очень хорошо забинтую.

Железный человечек нахмурился и сказал:

– Урок окончен.

А попугай сердито крикнул:

– Кыш! Кыш!

Глава двенадцатая, уплетательная-летательная, в которой летает сливочно-фруктово-шоколадное мороженое

Карандаш на кухне, одетый в белый поварской колпак и белоснежный халат, рисовал румяные поджаренные котлеты с тоненькой, как соломка, жареной картошкой. А Самоделкин готовил к выезду на обеденный стол свою технику.

Ребята побежали к фонтану вымыть руки перед обедом. Они плюхались в брызгах, а фонтан переливался на солнце блёстками, урчал и булькал.

– Не промочите ножки, – беспокоилась девочка. – Вы обязательно простудитесь. У вас будет высокая температура. Вон Прутик шмыгает носом.

– Это фонтан шмыгает и булькает, – пояснил Прутик.

– А по-моему, кусты шмыгают носом, – сказал Чижик. – А фонтан булькает.

Они помчались в дом, так и не узнав, кто это шмыгает: фонтан или кусты.

Ребята сели на свои места. Распахнулось окошко в стене. Маленький поезд выехал на скатерть, везя на платформе тарелки, вилки и ложки.

Поезд уехал, солдаты за ним появился маленький самосвал, доверху нагруженный ломтиками чёрного и белого хлеба. Он просигналил и сгрузил хлеб на тарелку.

Потом в окошко въехал поливальный автомобиль с горячей красной цистерной с белыми буквами на боку:

СУП

Машина останавливалась около тарелок и наливала в них душистый горячий суп с белыми грибами. А ребята ели его ложками, очень довольные таким обедом.

Затем появился маленький, но совсем как настоящий могучий трактор с подъёмным краном и с большим прицепом, на котором ехали к ребятам котлеты.

Подъёмный кран вынимал котлеты из кузова и накладывал их на тарелки, пока не остыли, пока хрустели румяной поджаристой корочкой.

Необыкновенный аромат плыл по всему саду. Ребята уплетали суп и котлеты с большим аппетитом, и никто не слышал, как в саду кто-то шмыгал носом и вздыхал. И никто не замечал, как Тиграша, виляя хвостом, смотрела в окно грустными собачьими глазами.

Вдруг Прутик закричал:

– Она утащила мою котлету!

Когда подъёмный кран поднёс к мальчику мясную котлету, собака подпрыгнула, схватила её и через подоконник махнула в сад.

– Что случилось? – Мастер Самоделкин выглянул из кухни в столовую.

– Она утащила котлету, – ныл Прутик.

– Это не беда. Машина добавку привезёт всем, кто хочет. Ешьте на здоровье.

Потом из кухни с рокотом и жужжаньем вылетел маленький, совсем как настоящий вертолёт. Он повис над ребятами. Лопасты винта шумели, как вентилятор. И лёгкая прохлада шла от него, как от вентилятора.

Вы когда-нибудь видели такой летающий вентилятор? Я не видел. Его смастерил Самоделкин. И больше нигде подобного нет. И не будет, если вы сами не сделаете вертолёт, похожий на этот.

Вертолёт медленно плыл над столом. А с вертолёта на парашютиках падали на ребят фрукты и корзиночки с мороженым, сливочно-фруктово-шоколадным с абрикосами.

– Опять мороженое! – сердито сказал Самоделкин. – Ах, Карандаш, Карандаш!..

– А почему тебе не нравится мороженое? – спросила девочка.

Самоделкин звякнул своими пружинками:

– Вы ничего об этом не знаете... Однажды художник съел много мороженого, сильно

простудился и заболел. И нечаянно, в бреду, нарисовал двух разбойников! Ну разве может волшебный художник рисовать разбойников?... Они стали настоящими разбойниками. Один из них был знаменитый морской пират капитан Буль-Буль, а другой называл себя доктором Пулькой, а на самом деле... Я даже вспоминать о нём не хочу.

– Как интересно! – воскликнул Чижик. – Я давно не видел разбойников!

– А их больше нет. Капитану Буль-Булю пришлось пойти на работу в плавающий магазин. Бывший пират вылавливает из реки обыкновенным сачком заводные кораблики. Он продает их маленьким покупателям, девочкам и мальчикам. А разбойник Пулька работает в городском саду: высматривает, вынюхивает, выслеживает разных вредных жуков и гусениц.

– А я думал, они настоящие разбойники, – вздохнул Чижик, уплетая мороженое.

– Когда-то нам от них очень досталось, – недовольно проворчал Самоделкин.

Ребята не заметили, как вернулась в столовую Тиграша, как подошла к столу, как увидела она летающее мороженое.

– Негодная! – закричал Прутик. – Её надо поколотить!

Он закричал не потому, что вспомнил про свою котлету, а потому, что собака подпрыгнула, оторвала зубами одну корзиночку со сливочно-фруктово-шоколадным с абрикосами мороженым и шмыгнула в сад.

– Хватай! Лови! – закричали ребята, смеясь и выпрыгивая через окно в сад.

– Негодная! – шумел Прутик, отламывая на ходу бананы с дерева и швыряя в Тиграшу, как будто это были не бананы, а камешки или даже боевые гранаты!

«Бац-бац!» – летели бананы. Только собаку с мороженым догнать совсем не просто. Собака убежала. И ребята вернулись в школу розовые от возбуждения.

– Подумаешь, – проворчал Самоделкин, – утащила одно мороженое. Во всём виновато мороженое.

– Где это видано, чтобы собака ела мороженое с абрикосами? Тут что-то не так. Мне кажется, надо будет позвонить в милицию, – нахмурил брови Карандаш.

– А милиция спросит: кто обижает собаку? Неужели будущие волшебники, ученики Волшебной школы? Кто это смеет кидать бананы? Покажите нам тех, кто швыряется бананами! – очень сердито сказал Самоделкин. – Волшебники так не поступают.

– А что? – спросил Чиж как ни в чём не бывало. – Карандаш новые нарисует.

– Много нарисует, – подхватил Прутик. – Много-много. Сколько захотим.

Глава несчастливая, потому что тринадцатая

Прошёл день, и прошла ночь. Правда, не совсем прошла, потому что было только раннее утро. В школе все ребята спали. В городе на улицах ещё никого не было видно. Прохожие никуда не спешили, автомобили никуда не ехали. Дворники в белых фартуках подметали дорожки, на которых, правда, не было ни соринки, ни пылинки. Начиналось удивительно свежее голубое раннее утро.

Самоделкин спал, чуть позванивая своими пружинками. Неугомонный Карандаш проснулся раньше всех и побежал к фонтану в сад – умыться и делать зарядку.

Вода была холодная, но Карандаш воды не боялся. Он плескался в ней, как утёнок, и напевал такую песенку:

Меня зовут
Карандашом.
Я с каждым
Дружен малышом.
Ля-ля, ля-ля, ля-ля!
Один, два, три, четыре, пять.

Я всё могу нарисовать.
Ля-ля, ля-ля, ля-ля!
И всех ребят,
И всех ребят
Я научить рисунку рад.
Ля-ля, ля-ля, ля-ля!
Но только помни:
Хороши
Лишь острые карандаши!
Ля-ля, ля-ля, ля-ля!

Приплясывая от свежести, от утренней радости, Карандаш вернулся к дому, взглянул на веранду – и замер от неожиданности. В углу веранды, свернувшись калачиком, спала Тиграша. Положив на неё голову, спал, свернувшись калачиком... А может быть, спало, свернувшись калачиком, что-то непонятное.

Он или оно, это чумазое и лохматое, открыло глаза, вскрикнуло, увидев Карандаша, и хотело удрать. Но Карандаш поймал за руку Лохматое-Чумазое. Тиграша залаяла. В окно выглянул Самоделкин.

– Ты кто? – спросил удивлённый Самоделкин.

– Как ты сюда попал? Я тебя где-то видел, – нахмурился Карандаш.

– Я... я... я мальчик. Вот кто я, – заикаясь, пролепетала Чумазое-Лохматое. – Я мальчик!

– Нет, вы слышали? – удивился художник. – Он мальчик! Вы когда-нибудь видели мальчиков с такими грязными коленками, с такими замаранными ладошками?

– А что, – заметил Самоделкин, – у него две ноги, две руки, оцарапанные коленки. Может, он и в самом деле мальчик?

– Тебя как зовут? – спросил Карандаш.

– Я не знаю, – ответило Чумазое-Лохматое, шмыгнув носом.

Карандаш всплеснул руками:

– Тогда скажи, пожалуйста, почему ты здесь?

– Я... я хочу в школу.

– И поэтому прятался и всех пугал? – возмутился художник.

– Я боялся, что меня прогонят.

– Конечно, прогонят! Кому нужны такие замарашки? – сердился художник. – Ты, наверное, даже руки мыть не умеешь?

Лохматое-Чумазое шмыгнуло носом, и все увидели, как слёзы потекли по его невымытым щекам. А из кармана курточки выпал гвоздик. Собака залаяла на художника. Самоделкин внимательно посмотрел на гвоздик.

– Пожалуйста, не плачь. Я терпеть не могу слёз. Ты лучше расскажи нам, откуда у тебя этот симпатичный гвоздик? – спросил он.

– Я его нашёл, – всхлипнуло Чумазое-Лохматое.

– Нашёл? Он его нашёл! Настоящий гвоздик! И положил себе в карман! – обрадовался железный человечек. – Ну конечно, мальчик! Никаких сомнений быть не может. Он – мальчик!

Собака завиляла хвостом, подпрыгнула и лизнула железного человечка прямо в нос.

– Посмотрим, какой он мальчик, – смягчился Карандаш. – Проверим его способности, а там видно будет. Идём в школу, – решительно сказал художник и взял невымытую ладошку, недоверчиво поглядывая на Чумазое-Лохматое.

Они вошли в школу, а там их окружили проснувшиеся ребята.

– Кто это? Кто? – зашумели ученики.

– Это новенький, – сказал Самоделкин. – Хочет поступить в школу.

– Если он что-нибудь умеет, – пояснил Карандаш.

– Я всё умею, – сказала Чумазое-Лохматое. – Я способный.

Видно, ему очень хотелось поступить в необыкновенную школу. Она ему понравилась, эта необыкновенная школа.

– Ты, оказывается, хвастунишка? – нахмурился Карандаш.

– Мальчик, наверное, голодный, – заметил Самоделкин. – У нас после ужина остался пирог. Я принесу. А потом будем завтракать все вместе.

– Отлично, – сказал художник. – А я принесу полотенце для мальчика.

– Я мальчик! – радостно воскликнул Чумазый-Лохматый. А Тиграша залаяла, подпрыгнула и лизнула Карандаша прямо в нос.

Мастер Самоделкин принёс пирог и кружку с компотом. Художник принёс полотенце.

– Примите меня, пожалуйста, в школу! – попросил Чумазый-Лохматый.

– Ах, какой нетерпеливый! – улыбнулся художник. – Вот умывальник, вот полотенце, вот зубная щётка, вот расчёска... Нет, расчёска, я думаю, не поможет. Вот щётка для волос. Вот щётка для ботинок. Вот сапожный крем. Вот компот. Умойся, почисти ботинки, причешись. Ты умеешь, или тебе помочь?

Лохматый-Чумазый поглядел на ребят и сказал:

– Я сам.

– Как тебя зовут? – спросил Чижик.

– Я не знаю, – шмыгнул носом Чумазый-Лохматый.

Ребята, конечно, засмеялись. Новенький обиделся. Он шмыгнул носом, но плакать не стал. Мальчики так просто не плачут.

– У тебя шнурок на ботинке не завязан. Можно, я тебе завяжу? – попросила Настенька.

Она хотела взять его за руку, подвести к умывальнику и вымыть грязные ладошки.

– Я сам, – твёрдо сказал Чумазый-Лохматый.

– Молодец! – похвалил Самоделкин. – Ты просто молодец! А ну-ка, покажи всем, как ты умеешь умываться.

– Очень даже просто. – Новенький взял кружку с компотом, поглядел в неё, подумал и... вылил компот себе на макушку.

Самоделкин перестал звенеть своими пружинками, застыл на месте, как будто он был сделан совсем не из пружинок, а из дерева. Карандаш в изумлении замер.

– Ой, не могу! – прыснула девочка.

– Ха-ха-ха! – заливались мальчики. А собака сердито лаяла на них.

– Ой, не могу! – пищала Настенька. – Тебя в школу не примут.

– Примут! Примут! – закричал новенький.

– Ты ничего не умеешь.

– Умею!

– А ботинки чистить умеешь? – хохотали ребята.

– Умею!

Новенький взял чистое полотенце и вытер свои чумазые ботинки. Ребята стонали:

– Ой, ха-ха-ха!

Ну и ну, хотел сказать Карандаш и не мог вымолвить ни слова.

– А зубы чистить? Зубы? – еле могла произнести девочка.

Новенький макнул пальчик в сапожный крем и провёл им по своим зубам.

– А кран зачем? Кран? – заливаясь неудержимым смехом, спросил Прутик.

Новенький подумал и сунул палец в кран, из которого лилась вода. Струя веером разлетелась по всей комнате, обдавая ребят.

– Настоящее Чучело-Бабучило, – сказал Прутик и вдруг закричал: – Он Чучело-Бабучило! Это Чучело-Бабучило! Я узнал его!

– Чучело-Бабучило! – запрыгали ребята.

– У него моя куртка! – возмутился Чижик.

– Мои ботинки! – добавил Прутик. – Он жулик! Жулик! Жулик!

Новенький растерянно посмотрел на всех, шмыгнул носом и заплакал. Совсем как настоящий мальчик.

– Чучело-Бабучило! Жулик! Жулик! – не унимались ребята.
Он прыгнул через подоконник и побежал в сад. Оранжевая Тиграша с лаем полетела за ним. Ребята перемахнули через подоконник.

– Чучело-Бабучило! Чучело-Бабучило! – вопили они. – Тю-тю! Лови! Держи!

Они срывали бананы, ломая ветки, швыряли вслед убегающему нарисованному мальчику.

– Тю-тю! Жулик!

– Остановитесь! Подождите! – закричали Самоделкин и Карандаш, на бегу размахивая руками. – Что вы делаете? Остановитесь!

Ребята остановились.

– Он Чучело-Бабучило! Он компот на макушку! Он жулик! Он ботинки полотенцем! Он мороженое, котлету!.. Он... Его не примут в школу! Не примут! – наперебой галдели ребята.

Маленький перепуганный Чучело-Бабучило сидел в кабине шара, куда он забрался, убегая от ребят, и горько плакал, размазывая по щекам слёзы. Тиграша, сидя рядом с ним, лизала его лохматую макушку и тихонько скулила. Голубой воздушный шар покачивался над ними, наклонялся, будто хотел утешить никому не нужного чумазого Бабучило, трогал его шёлковым, упругим, нагретым на солнце боком.

Волшебный художник остановился, как будто в него ударила молния. Железный человечек замер, будто пружинки у него разъела ржавчина и он больше не в силах пошевелиться и никогда-никогда не зазвенит и не запрыгает, этот весёлый мастер Самоделкин.

Стало очень тихо.

– Я всё могу нарисовать, – глухим голосом печально сказал Карандаш. – Я всё могу нарисовать! Но я не могу рисовать, я не умею рисовать Нежность и Доброту, Честность и Дружбу. Я не могу нарисовать обыкновенную, простую, даже самую крохотную Радость... Я умею рисовать конфеты, лошадок, бананы, пальмы, кораблики, велосипеды, автомобили, пароходы. Всё на свете умею! Но я не могу рисовать обыкновенное человеческое достоинство. Я самый плохой учитель. Я слабый художник. Я ничему не могу научить их...

Может быть, он прав, маленький грустный художник? Радости не бывает без Дружбы. Нежности не бывает без Радости. Без неё не бывает и Доброты.

Он грустно смотрел на ребят.

– Мы больше не будем, – сказали они. – Мы нечаянно.

– Если мальчик не вернётся, я уйду навсегда, – еле слышно сказал художник.

– Не уходи, не надо, – просили Чижик, Настенька и Прутик.

И вдруг по саду прошумел ветер. Все увидели, как сверкающий на солнце голубой шар качнулся и плавно поднялся над пальмами, над улицами, над городом, над землёй. В кабине шара сидел заплаканный чумазый Бабучило в обнимку с оранжевой собакой. Ветер подхватил их и понёс неизвестно куда. Все ахнули. Ребята заворожённые смотрели, как тает в небе крохотный, почти невидимый шарик.

– Я ухожу навсегда, – сказал художник. – Прощайте...

Он подошёл к стене и нарисовал сначала большой круг. Не успели ребята и Самоделкин что-нибудь сказать, как в небо взлетел ещё один упругий шёлковый шар и унёс от них обиженного грустного художника.

– Они все погибли! – закричал Самоделкин. – Мальчик не умеет управлять полётом. А в этом шаре я не сделал приборы для управления... Они погибнут...

Глава четырнадцатая, которая могла быть последней

Самоделкин взял молоток, четыре гвоздика и прибил у ворот школы такую табличку:

ВОЛШЕБНАЯ ШКОЛА ЗАКРЫТА, КАК БУДТО ЕЁ НИКОГДА И НЕ БЫЛО

Ребята ходили грустные. Девочка больше никому не говорила «не промочи ножки, поправь курточку» и всякое другое. Она была очень сердита. В школе, в этой весёлой школе, вдруг совсем неожиданно почему-то не стало радости.

Попугай, даже весёлый попугай, больше никому не говорил «цыпа-цыпа», но зато всё время кричал «кыш!»

– Вам, – сказал Самоделкин, – всем надо вернуться домой к мамам и папам. А тебя, Прутик, я отведу к одним хорошим знакомым. Ты у них поживёшь, пока я буду искать моего друга.

– Самоделочкин, пожалуйста, – умоляли ребята, – мы очень хотим остаться в школе.

– А что вы станете в ней делать?

– Стучать, пилить и строгать, – ответил Прутик.

– Мастерить машины, – ответил Чижик.

Самоделкин грустно посмотрел на ребят:

– Я боюсь, я подозреваю, что самосвалы, не гружёные печеньем и конфетами, вам не очень понравятся. Кто их вам принесёт, эти конфеты? Кто сделает вам сегодня обед? Волшебная школа закрыта. Ступайте, малыши, домой! А ты, Прутя... Но я сначала позвоню по телефону.

Самоделкин позвонил по телефону и рассказал одним хорошим знакомым, какие печальные события случились в необыкновенной школе.

– Ну что вы, – говорил Самоделкин в трубку, – я полечу на своём. Разве могут большие самолёты найти маленький воздушный шар во всём белом свете?... Я полечу на своём... Но я благодарен вам за добрый совет. А мальчик, действительно, может к вам прийти без меня. Он уже совсем большой... До свидания... Пожалуйста, передайте привет вашему Тиме... Спасибо...

Железный человечек положил трубку.

– Проводите, пожалуйста, Прутю, – сказал он ребятам. – Я знаю, вы живёте рядом с моими знакомыми. А я должен торопиться, пока шар не улетел очень далеко. Я должен вернуть радость в нашу с вами школу. Или она больше никогда-никогда не откроется. Волшебное не бывает без РАДОСТИ...

– Мы хотим с тобой, – сказал Чижик.

– Возьми, пожалуйста, нас в полёт, – сказали Прутик и Настенька.

– Милые вы мои, такое путешествие по силам только очень отважным и крепким.

Самоделкин раздал ребятам конфеты, которые остались на кухне, погладил их по макушкам и проводил до калитки, стараясь не глядеть на их опухшие глаза и мокрые носы.

Он побежал в мастерскую, открыл широкую дверь и выкатил на дорожку самолёт, которого никогда раньше ребята не видели. В эту мастерскую первоклассников ещё не пускают.

Самоделкин гаечным ключом проверил все болты, заглянул в мотор, постучал по крыльям, как доктор постукивает, когда выслушивает мальчиков и девочек, чтобы узнать состояние их здоровья.

Он вернулся в дом, осмотрел в последний раз комнаты, выпустил в сад учёного попугая, закрыл окна и двери, взяв только чемодан с инструментами да канистру с маслом. Не подсолнечным, не сливочным, а машинным.

– До свидания! Прощай, необыкновенная школа! Увижу ли я тебя ещё раз?

Крепкий железный человечек сказал это шёпотом, чтобы никто-никто не услышал его и не подумал про железных человечков: «Они такие слабые? Не может этого быть!..»

где самолёт подпевает Самоделкину

Мастер Самоделкин сел в кабину, включил мотор. Машина вздрогнула, качнула крыльями, дорожка улетела от колёс. И пальмы, и школа – всё вдруг осталось далеко внизу. Фонтан превратился в маленькую струйку, дом – в нарядную коробочку, люди на улицах стали крохотными, как лилипутики, автомобили сделались игрушечными, как будто их всех выкатили из магазина игрушек, завели ключом, вот они теперь и катаются по игрушечным улицам.

На прощание железный человечек посмотрел вниз и на какой-то зелёной лужайке увидел необыкновенную козу. Она бегала наперегонки с маленькими ребятишками. Их было много вокруг неё. Коза так бегала, так подпрыгивала, что сверху казалось, она говорит: «Забодаю, забодаю, забодаю...» И что-то звенело над городом в синем глубоком воздухе: не то бубенчики, не то ребячий смех. Наверное, потому, что коза была вся в цветочках. И ромашки прыгали вместе с ней по бульвару, который с высоты казался маленькой зелёной лужайкой. Поэтому нельзя было понять, откуда появились на лужайке белые крохотные клеточки. Словно зелёный мышонок, маленький, весь в белую клеточку, мяукая, бегал за ребятишками и козой.

Потом железный пилот увидел речку, похожую сверху на синий прохладный ручей. Увидел парусный кораблик с большими золотыми буквами на борту:

ПЛАВАЮЩИЙ МАГАЗИН «ПРУТИК»

А под ними, наверное, были совсем незаметные буквы: «Продажа заводных пароходиков».

«Почему на нём такие унылые грязные паруса? – подумал Самоделкин. – Почему рядом не видно весёлой стайки заводных корабликов? Почему не спешат к магазину мальчишки, выбрать себе настоящий заводной кораблик прямо на воде? Почему?»

Но самолёт унёс удивлённого Самоделкина от реки, от плавающего магазина, от города и Волшебной школы. Город утонул в синеве. Мотор гудел. Ветер покачивал крылья. Самоделкин внимательно смотрел вокруг: нет ли где шара с потерянным другом. Нет ли где другого шара с мальчиком и собакой. Но только птицы и несколько детских шариков плавно плыли мимо самолёта. Их, наверное, нечаянно потеряли дети, живущие далеко-далеко внизу. А в такой же далёкой высоте неслись огромные самолёты. Люди смотрели в круглые окна и говорили:

– Смотрите, какой отважный человечек! Он летит один и совсем не боится!

А на больших самолётах иногда летают маленькие дети. Они узнали Самоделкина, железного человечка. Они махали ему руками:

– Это Самоделкин! Это Самоделкин, смотрите! Смотрите!

Но Самоделкин их не видел. Он был очень занят. Пилот не имеет права отвлекаться. Машина любит внимательных и отважных. Пилот, если он долго летит, если ему грустно, может петь какую-нибудь песню. И железный человечек запел:

Один весёлый паровоз
Один вагон сердитый вёз,
А тот ужасно этим недоволен...

И Самоделкин понизил голос, будто подражая голосу недовольного вагона:

– Я возмущён,
Я удивлён.
Куда? куда
Помчался он?

Как будто я
В судьбе моей не волен.

Ветер пел на крыльях, и пилот пел такой припев незнакомой песенки:

А паровозик:
– Ту-ту-ту!
Ту-ту,
Ту-ту, ту-ту-уу...

Внизу туманилась на солнце коричневая зелёно-голубая равнина. Бежали ручейками широкие, наверное, реки. А Самоделкин пел, подражая скрипучему голосу вагона:

Зачем тебе на тыщу вёрст,
Когда легко на двести?
А ты, приятель, будь не прост,
Как тот зелёный паровоз,
Как полосатый паровоз,
И тот, который без колёс
Один стоит на месте...
А паровозик:
– Ту-ту-ту!
Ту-ту,
Ту-ту, ту-ту-уу...

В багажнике самолёта, как в бочке, отражалось эхо и словно подпевало тоненькими голосами:

А паровозик:
– Ту-ту-ту!
Ту-ту,
Ту-ту, ту-ту-уу...

В конце концов, если друг потерялся, надо во что бы то ни стало найти его. Потому что нет на свете ничего нужнее друга: маленького или большого, но только верного друга. И храбрый Самоделкин пел, подражая голосе вагона:

И что вдали не видел ты?
Всё те же рельсы и мосты,
И бесконечный перестук.
Верста похожа на версту,
И ветер злее на лету...

Так в песенке вагон убеждал того, кто посмел утянуть его неизвестно куда:

А чтоб ты рухнул на мосту!
Ту-ту, ту-ту, ту-ту... —

передразнивал вагон, и в багажнике самолёта эхо повторило тонкими голосами припев:

А паровозик:
– Ту-ту-ту!

Ту-ту,
Ту-ту, ту-ту-уу...

Глава шестнадцатая, в ней самолёт начинает разговаривать

Железный человечек поглядел вниз и увидел только синюю ровную глубину до самого горизонта.

– Море! – воскликнул догадливый Самоделкин. – Океан! Вон и пароходы – словно игрушечные плавают. И зелёные острова...

– Где пароходы? Где? – вдруг пискнул самолёт.

И железный человечек от удивления чуть не выпрыгнул из него прямо в небо. И конечно бы утонул. Железные человечки не умеют плавать. Он оглянулся и ахнул. Из багажника выглядывали Чижик и Настенька. Вот оно какое эхо подпевало в багажнике самолёта!

– Вы как сюда попали? Кто вам разрешил?

Наивный Самоделкин. Задаёт смешные вопросы. Пока он закрывал школу, ребята вернулись и незаметно влезли в багажник самолёта.

– Где Прутька? – волновался железный человечек.

– Он в багажнике не поместился, – ответил девочка.

– Что я слышу! – вскричал Самоделкин. – Вы оставили Прутю одного! Как вы могли?! Я немедленно вернусь! Но по вашей вине погибнет Карандаш, погибнет Бабочило. Если они уже не погибли...

Самоделкин повернул самолёт, и машина, конечно, сразу послушалась его. Но пока самолёт летел туда, куда и ветер, всё было в порядке. А когда перегруженный самолёт пошёл обратно, сильный ветер закачал его, словно это был не самолёт, а лодка среди плюхающих морских волн. Крылья задрожали, мотор начал давать перебои, машину тряхнуло. Ребята схватились друг за друга, чтобы не выпасть из багажника.

– Надо ждать, пока переменится ветер, – в полном отчаянии сказал железный пилот и повернул машину туда, где в море зеленел крохотный островок, обрызганный волнами.

Самолёт, натужно гудя мотором, сел среди настоящих, но, вероятно, совсем не нарисованных пальм. Ах, если бы они были нарисованы!

– Это, наверное, Карандаш нарисовал пальмы на жёлтом песке, – тихо сказала девочка.

Самоделкин только печально вздохнул. Ребята сели на мягкую, как перина, траву. Море шумело за деревьями, плюхалось о берег. Пальмы баюкали тихим шелестом.

– Я спа-ать хочу! – зевнула девочка. И уснула.

Ведь она была совсем ещё маленькая девочка.

– Я тоже спать хочу! – жалобно сказал Чижик. И уснул.

Ведь он был совсем ещё маленький.

Настенька видела во сне ребятшек, у которых почему-то были расстёгнуты все пуговицы на курточках. И ребята могли простудиться.

Мальчику снились папа и мама, которые до сих пор так и не знают, как зовут их ненаглядного Чижика: Зайчонок? Солнышко? Звоночек? Или Воробушек?

Глава семнадцатая, в которой появляются...

Я даже не знаю, кто появляется в этой главе. Пока Самоделкин с ребятами ждёт на далёком острове, пока художник и Нарисованный Мальчик летят неизвестно где, наверное,

очень даже не близко, нам надо посмотреть на Волшебную школу, проведать Прутика.

Но сначала я расскажу о том, какой парусный кораблик увидел Самоделкин, пролетая над городом. Потому что не все ребята знают про этот кораблик. Вот раньше все мальчики знали. Даже многие девочки. А теперь знают не все.

Кораблик очень красивый. Такой, какими были старинные-старинные парусные корабли. У него три высокие тонкие мачты. Они скрипят, поют, если ветер качает их, надувая белые лёгкие паруса. И ветер гудит в медных старинных пушках, словно это не пушки, а сигнальные трубы.

– Ооооо! – глухо зовут они. – Ооо! Давай уплывё-о-оммм!

А на палубе сидит унылый удивительный человек с большой рыжей бородой, в полосатой тельняшке. Он мрачно глядит на воду и не слышит, о чём говорят прохожие на берегу. Прохожие, которые Самоделкину с высоты казались, наверное, муравьишками. Только пусть прохожие не обижаются. Они казались. А на самом деле ничего подобного. Солидные, уважаемые люди.

– Какой удивительный кораблик! – заметил один прохожий. – Почему в городе стоит необыкновенный парусный кораблик?

– Неужели вы не знаете? – повёл плечами другой уважаемый солидный прохожий. – На этом корабле настоящий магазин для ребят.

– Плавающий магазин? – удивился первый прохожий. – Никогда не видел таких магазинов. Я приехал издалека. И в моём городе есть большой пруд, но магазины почему-то не плавают. Хотел бы я что-нибудь купить в магазине, который плавает.

– Боюсь, вы ничего не сможете купить, – вздохнул другой. – Вот раньше, я помню, корабль плавал на самой середине реки. А вокруг него кружились игрушечные заводные пароходики. Белые, синие, зелёные, с мачтами, с трубами, штурвалами и фонариками. Синие гудели, белые пыхтели, зелёные свистели. А здесь, на берегу, там, где мы с вами так увлекательно беседуем, буквально проходу не было от мальчишек. Они шумели, прыгали от нетерпения в ожидании, пока за ними подойдет к берегу этот магазин. Они вбегали на палубу, ветер надувал тугие паруса, и корабль...

– Вы подумайте, как интересно! – сказал первый прохожий.

– Да, да... «Мне с трубой, – шумели ребята, – мне без трубы, но чтобы гудел, а мне с красной полосой на боку»... Там были заводные пароходики, самые разные. Кому какой понравится. Только надо было сачком выловить пароходик из реки. Поймал – и неси, пожалуйста, себе домой.

– Но позвольте! – воскликнул первый прохожий. – Позвольте, я не вижу на речке ни одного пароходика. Ни одного! И продавец, извините, в магазине такой неприветливый, такой несимпатичный. Сквородки ему продавать, а не заводные пароходики, синие, белые, зелёные...

– Да, – печально кивнул другой прохожий, – с тех пор, как в магазин пришёл новый продавец, а берегу не стало покупателей, весёлых мальчиков и девочек. А в реке не то что пароходиков, даже лягушек не видно, зелёных в пупырышках.

– Но почему? – возмущился первый прохожий. – Почему?

– Никак не могу вам объяснить. Поговаривают, будто новый продавец, бывший разбойник! И даже, извините, пират.

– Не может этого быть! Взрослый человек, а такое говорите. Не бывает никаких разбойников. Особенно этих, извините, пиратов. Я, между прочим, не маленький...

Обиженный прохожий, конечно, ушёл. Прохожие потому и прохожие, что куда-нибудь уходят.

И вот, когда на тихой набережной не осталось ни одного прохожего, на ней появился никому не знакомый человечек с длинным, как морковка, носом. Он поглядел вокруг и побежал по деревянному трапу на палубу плавающего магазина.

– Это я, – шёпотом сказал человек с тонким, как морковка, носом. – Это я!

– Неужели? – вскочил продавец. – Я тебя не узнал... Ты совсем такой же, каким был,

р-разбойник... хо-хо!

– Разве тебе не надоело продавать и выдавать?

– Тьфу! – плюнул продавец. – Надоело... чтоб он утонул!

– Тогда идём скорей. У меня такие новости! Говорят, они улетели... – совсем тихо прошептал необычный посетитель.

И дальше я не мог разобрать ни одного слова. Поэтому нам надо вернуться в покинутую всеми Волшебную школу.

Глава восемнадцатая, где появляются два новых учителя

– Никого нет, – сказал Прутик учёному попугаю. – Грустно.

– Ку-ку! Грустно! – ответил попугай.

Одинокому всегда грустно.

Как раз в эту минуту к воротам школы подошли два удивительных человечка. Давайте послушаем, о чём они говорят.

– Вот она – школа бездельников, – сказал один, с большой рыжей бородой, в полосатой морской тельняшке.

– Волшебная! – хмыкнул другой, с длинным, тонким, как морковка, носом.

– Ты погляди, какие роскошные пальмы! – воскликнул бородач. – Настоящий тропический лес! Пиратские джунгли! Орехи! Кокосы! Бананы! Чудное местечко для разбойников. А мне так надоело продавать мальчишкам и девчонкам заводные пароходики, орать всё время глупости: «Кому с трубой? Кому без трубы?...» Тьфу!

Другой, который был с тонким и длинным, как морковка, носом, сердито топнул ногой:

– А меня прогнали! Я был таким хорошим садовником. Искал жуков-короедов, червячков и мошек, букашек и таракашек внутри каждого яблочка и каждой груши. Я так старался, так старался...

И он облизнулся, как будто увидел целую корзину спелых и сладких яблок или груш.

– Проклятие! – сказал бородач. – Меня тоже хотели списать на берег меня! Самого лучшего на свете... продавца!

– Тебя? – удивился Тонкий Нос. – Бывалого моряка? Настоящего морского волка? За что?

– Я так трудился, – махнул бородой человек в тельняшке. – Так трудился!.. Когда в магазин приходили всякие маленькие мерзавчики, я вместо глупых заводных пароходиков продавал им самые чудесные, самые весёлые, самые забавные игрушки. Ха-ха!.. Мягкие тапочки с канцелярскими кнопками внутри. Водяные пистолетики с едкими чернилами вместо воды. Рогатки, верёвки, чтобы натягивать их на дорожке, где ходят всякие задумчивые глупые люди с книжками, с газетами...

– Какие хорошие игрушки ты продавал! – похвалил Тонкий Нос.

– Да-да! Я продавал им булыжнички, чтобы метко пулять в глупые заводные скорлупки. Они так смешно булькают, когда идут на дно. «Буль-буль-буль!» Замечательно! Ха-ха! У меня много таких хороших игрушек, – и он похлопал себя по карманам, – только дарить некому.

– Почему некому? – возразил Тонкий Нос, на цыпочках заглядывая через калитку. – Вон мальчишка гуляет.

– Здравствуйте! – сказал вежливый Прутик. – Если вы пришли в школу, то здесь никого нет. Все улетели. А вы кто?

– Ха, мы разбойники! – сказал бородач, потирая руки. – Значит, никого нет?

– Какие разбойники? Какие такие разбойники? – дёрнул его за рукав Тонкий Нос. – Он пошутил. Он очень весёлый. Он заешь кто? Знаменитый новый учитель! Хе-хе! Я тоже учитель. Самый настоящий учитель. Здравствуй, мальчик! Добрый день! Как тебя зовут?

– Прутик.

– Прутик-веник, – хмыкнул тихонько бородач. – Ветка еловая, шишка сосновая, полено дубовое. Разве так надо знакомиться? Я тебя научу. Ну-ка, мальчик, назови мне какую-нибудь обезьяну!

– Горилла, – ответил ничего не подозревающий мальчик.

– Очень приятно! Будем знакомы! А меня зовут учитель Булькин! – рявкнул учитель. – А моего почтенного друга зовут учитель Пулькин. Ха-ха-ха-ха! – засмеялся он.

– Добро пожаловать, милые дети! – важно изрёк учитель Пулькин. – Ученье свет, а неученье тьма. Не пей сырую воду. Руки мой перед едой.

– Но не мылом, не водой, – подхватил бородачатый учитель Булькин, – а чернилами. Семь раз отрежь, один раз отмерь. Вот видишь, какие мы научные-разнаучные.

– Мой знаменитый учёный друг, – важно добавил Пулькин, – знает много весёлых сказок. Уважаемый коллега, не расскажете ли вы ребятам интересную сказку?

– Пожалуйста-препжалуйста, – кивнул бородач. – Один добрый, замечательный, умный серый волк съел одну девочку. Ну, совсем такусенькую, вроде как ты, мальчик. И надел её красную шапочку. Бабушка видит, знакомая шапочка, и говорит: «Почему, девочка, у тебя такой симпатичный хвостик?» – «Это не хвостик, – отвечал вежливый серый волк. – Это кисточка от шапочки...» И с большим аппетитом скушал бабушку.

– А я знаю весёлые детские песенки, – похвалился Пулькин. – Вот например: один козлик ушёл от своей любимой бабушки в тёмный лес. Осталась от козлика одна косточка. Хе-хе!.. Ужасно забавная песенка... Неужели вам никогда не пели таких чудесных песен? Вам, наверное, скучно. Как вы тут поживаете?

– Скучно поживаем, – сказал Прутик. – Раньше так весело было. Нас на волшебников учили.

– Тю! На волшебников! – свистнул бородачатый учитель. – А на разбойника тебя не учили? На самого настоящего мор-р-ского разбойника?

– Нет, – растерялся мальчик. – Это, наверное, тоже интересно?

– Ещё бы! – гаркнул Булькин. – Лево руля, право руля! Полный вперёд! Ух, красота!

– У нас таких уроков не было, – сказал Прутик. И в голосе его прозвучало маленькое такое сожаление.

– А что было, уважаемый мальчик? – спросил учитель Пулькин, пробираясь в калитку.

– Уроки Смеха и Радости, урок Стуканья-Бряканья...

– Безобразия! – рявкнул учитель Булькин, вбегая в калитку. – Мне стыдно! Каким глупостям учили милых культурных деток! Ай, ай!

– Ай, ай! – повторил учёный попугай с ветки. – Цыпа-цыпа, ку-ку!

Глава девятнадцатая, в которой начинаются уроки безобразия

– Милые дети, – поднял кверху палец учитель Пулькин, – я знаю тысячу разных уроков и Веселья, и Радости! Мне совсем не жалко, я расскажу, я всех научу. Ой, какие весёлые уроки знаю. Хе-хе!

– Он такой умный учитель, – кивнул бородач.

– Слушайте меня! – важно сказал Пулькин. – Урок первый: как стать весёлым, если у вас плохое настроение... Поймайте кошку, привяжите ей на хвост пять железных банок. А потом надо крикнуть «брысь!». Она побежит... Это очень-очень смешно. Хе-хе!..

– Ха-ха-ха! – громко засмеялся учитель с рыжей бородой. – Ой, ха-ха! Вот уморил!

– Разве смешно? – спросил неуверенно Прутик.

– Ха-ха! – вдруг закричал попугай. – Ой, ха-ха!

– Вот видишь, как весело, необразованный, совсем неграмотный мальчик! – подпрыгнул учитель Пулькин, потирая от удовольствия руки.

– Ай, молодец! – похвалил своего приятеля бородач. – Я и не знал, какой ты на самом деле учёный!

– Ай, молодец! – повторил попугай.

– Если вас ничего на свете не радует, – вёл необычный урок Пулькин, – заверните в яркий фантик от конфетки горькую-прегорькую таблетку, позовите знакомую девочку и скажите: кушай, пожалуйста, конфетку, она сла-адкая!.. Девочка развернёт фантик, откусит горькую таблетку... Ой, как будет смешно! Ай, как будет радостно!

– Ой, не могу! – закатился другой учитель. – Хо-хо-хо!

Попугай чуть не упал с ветки.

– Ой, не могу! – заверещал он. – Хо-хо-хо!

– Ха-ха, – неуверенно хихикнул смешливый Прутик.

– И я кое-что знаю! – смахнув с глаз весёлые слезы, поделился другой учитель. – Когда на тебя шмякнулось какое-нибудь горе, надо взять в руки водяной пистолетик, налить в него самые чёр-рные-пречёрные чернила, позвать какую-нибудь знакомую девочку в новом платье, нажать курок – и пистолетик выстрелит... Ой, смешно! Ой, не могу!.. Едкими чернилами на самое-самое новое платье! Ужасно весело!

– Ха-ха-ха! – тоненько засмеялся Прутик.

– Ха-ха-ха! – закатился попугай Ку-Ку.

– Минуточку! Минуточку! – ревниво сказал учитель Пулькин. – А я веселее знаю. Смотрите все на меня, дорогие детки! Вот я поднимаю камень. А вот у меня резиновая подтяжка, и нет никакой рогатки. Ну зачем культурному человеку рогатка?... А я прикладываю камень к моей подтяжке, натягиваю резинку, прицеливаюсь... Бац!.. Если метко пальнуть в попугая, перья полетят, как из подушки. Будет очень весело!.. Эй, попугай, где ты? Цыпа, цыпа, цыпа!

Он так и сделал, как объяснил. Резинка шлёпнула, камень взлетел.

– Ку-ку! – сердито закричал попугай, ныряя в гущу веток.

Но камень со свистом упал обратно и стукнул учёного Пулькина в самую макушку.

– Ой, как смешно! Ха-ха-ха! – ревел басом Булькин.

– Ха-ха-ха! – весело засмеялся Прутик.

– Нет, вы только подумайте, – остановился на улице один случайный прохожий, – на воротах написано, что Волшебная школа закрыта, как будто её никогда и не было. А в ней опять смеются? Какая удивительная школа!..

– Но если говорить серьёзно, – мотая головой от смеха, сказал бородач, – если говорить серьёзно, веселее тех тому, чьи желания мгновенно исполняются. Кто, например, имеет много-много, целую кучу денег. Маленькая золотая монетка делает весёленьким самого грустного человека. Любой запрыгает от радости!

Вот какие слова изрёк учитель Булькин. А ты когда-нибудь видел, чтобы радость была в монетке?

Я видел её, настоящую Радость, в бумажном кораблике, в одуванчике, в капле дождя, в ладошке ребёнка, в макушке маленького мальчика, в улыбке девочки, в прыгающем котёнке, в белой тучке над лесной поляной.

И даже в добром слове, которое не увидишь.

Но я не верю, чтобы она, весёлая живая Радость, могла быть в монетке!

Глава двадцатая

– Веселее тех тому, чьи желания сбываются, – махнул бородой учитель Булькин.

– А почему тогда Карандаш улетел очень грустный? – спросил мальчик.

– Он глупый, твой Карандаш. Ничего не понимает и не умеет.

– Умеет, – не согласился Прутик. – Он всё умеет. И заводной автомобиль, и деревянную лошадку, и велосипед, и кораблик...

– Тю! Кораблик? – перебил, ухмыляясь, бородач. – Я говорю: глупый! Зачем кораблик, если моря нет, уплыть некуда?

– Он и море может нарисовать, – сказал мальчик, – синее море.

– Ну да? – не поверил учитель Булькин. – А подводную лодку может? Я больше терпеть не могу кораблики. Весь на виду – и сплошной сквозняк.

– Может, – сказал мальчик. – Он всё умеет, и всё даром. Никакой монетки не надо.

Два новых учителя дёрнулись так, словно ежата нечаянно залезли к ним под мышки и щекочут их своими колючками. Прибежали из леса, не подумали хорошенько, что будет, и залезли под мышки. Славные такие, но ужасно колючие симпатичные ежата.

– Ха-ха-ха! Даром? Хо-хо-хо! Даром!! Га-га-га! Вот насмешил. Я же говорю: глупый!

– Он волшебник, – сказал мальчик.

– А волшебники все глупые, – наставительно изрёк учитель Пулькин. – Разбойники, вот кто умные – так умные!

– Разбойников не бывает, – пискнул Прутик.

И мне послышалось, будто в голосе мальчика прозвенело маленькое такое сожаление.

– Как это не бывает? Много ты понимаешь! – фыркнул учитель Булькин, сверкнув глазами. – В таком дремучем лесу вполне могут весело жить-поживать разбойники. Только пещеры не хватает, полной всяких пиратских сокровищ и с потайной дверью, чтобы никто не нашёл. Только моря не хватает. Широченного моря вокруг и со всех сторон. Что никто никогда, ни милиция, ни всякие самоделкин-недоделкины ржавенькие не могли добраться к нам сюда, на р-разбойничий остров.

– Какой? – удивился мальчик. – Повторите, пожалуйста...

– Разбойничий, вот какой! – рявкнул Булькин. – Хочешь, мы станем тебя учить на разбойника? А?

– Хочу! – весело сказал мальчик и захлопал в ладоши. – Ура!

– Какой способный, какой умный-умный мальчик! – подмигнул учитель с тонким носом.

А другой пощекотал Прутика своей бородой.

– Маленький р-разбойничек. Пистолета ему настоящего не хватает. Пиф-паф!

– Жаль, Карандаша нет, – пискнул Прутик, – он бы всё нарисовал. И потайную пещеру, и пистолет...

– И подводную лодочку! И настоящее море! – подсказал Булькин. – По морям, по волнам, шито-крыто...

– И много-много всякого-разного, – мечтательно пропел учитель Пулькин, облизываясь. – Пирожное, мор-рожное, кофе-какаву.

– Не мешало бы нам закусить. Мы устали от уроков. Хе-хе!.. Да вот и бананы висят! – заметил учитель Булькин. – Дорогие дети, урок окончен. Перемена! Большая перемена!

– Бананчики! – облизнулся другой учитель. – Свеженькие, жёлтенькие.

Они бросились к бананам и стали рвать и уплетать их тут же под зелёными деревьями, урча от удовольствия.

Когда учитель Булькин проглотил двенадцатый банан, он запел хриплым шёпотом учительскую необыкновенную песенку. Наверное, так, чтобы не слышал её примерный ученик Прутик или какой-нибудь случайный прохожий на улице:

Мы р-разбойнички-душегубчики!
Чики-брики!
Карамба!
Компас!
Если нам попадётся, голубчики,
Будет жалко нам, бедненьких, вас!

Учитель Пулькин уплёл семнадцатый банан и подхватил тоненьким шепотком:

Ой, как жалко нам, бедненьких, вас!

И тут они вместе затопали ногами, шепча друг другу такой разудалый припев:

Хрундиляк и пундиляк!
Брундиляк и хрундиляк!

«Хрундиляк и пундиляк!..» – неожиданно для себя громко запел мальчик.

– Ай, какой способный ученик! – поедая бананы, – сказал учитель Пулькин своему приятелю.

Прутик, мурлыкая «хрундиляк и пундиляк!», убежал в дом, отыскал большой кусок мела, вернулся к воротам школы, снял табличку с надписью «Волшебная школа закрыта» и на другой стороне таблички написал крупными буквами:

ШКОЛА РАЗБОЙНИКОВ

Малыш как ни в чем не бывало повесил табличку на прежнее место.

Глава двадцать первая, где все хотят быть разбойниками

Вы не знаете, почему в городе начался такой переполох? Если догадаетесь, расскажите, пожалуйста, мне. А то я не знаю, как дальше рассказывать. Непонятная сказка, совсем не сказка, даже наоборот.

Почему на улице так много взволнованных мам? Они стоят сплошной цепочкой у ворот школы и говорят одна другой:

– Вы только подумайте! Мой убежал ночью. Мы с мужем искали, звали, кричали. Поймали у самых ворот. Он опять убежал. Где-нибудь рядом ходит, выжидает, негодный...

– Ах, разбойник! – отвечает ей другая очень взволнованная мама. – Я своего на самой ограде поймала. За ногу стянула. Он кричал: «В первый класс хочу!» Теперь дома сидит, к умывальнику привязанный. Муж дома сторожит, а я тут на всякий случай...

– А я внучонка на балконе закрыла, – вмешалась в беседу очень взволнованная бабушка. – Он там сидит и поёт: «Хрундиляк и пундиляк!..» Тьфу!.. Мне дед говорит: «Глупая, на балконе удочки с лесками. Убежит! Всё равно убежит». Вот я и караулю тут. Не дам в калитку войти. Меня, старую, не проведёшь.

– Мамочки, милые! – кричит самая молоденькая, очень взволнованная мама. – Кто бинокли дома имеет? Бегите скорее на крыши, глядите, милые, в оба. Мой такой маленький, всюду прошмыгнёт. Беленький он, в матроске, на шапке ленточка...

– Ах, такой-сякой, ах, разбойник! – сочувствуют мамы, плотнее смыкая взволнованные ряды. – Ишь чего надумали, сорванцы! День и ночь будем стоять, всю неделю, никого не пропустим, никто не прошмыгнёт!..

Глава двадцать вторая, про синее море

Но постойте, постойте! Не может этого быть! Кто там летит над городом на тонком и лёгком шаре?

Он! Конечно, он, мой добрый волшебный художник! Летит и смотрит: нет ли где обиженного мальчика?

Чтобы утешить его. Помочь малышу, если не опоздал.

За каждого нами нарисованного мальчика мы в ответе. Ни один мальчик, даже самый маленький, не должен остаться одиноким.

Но шара с мальчиком нигде не было. Ветер нёс лёгкий, почти невесомый шар, бил, и швырял, и раскачивал кабину. Художник цепко держался обеими руками за борт. Вы, конечно, помните: на шаре не было никаких приборов, и художник совсем не умел управлять полётом. Ветер нёс его сначала в дальние дали. Потом ветер подул в обратную сторону и, как вы понимаете, вернулся туда, где была необыкновенная школа.

«Наверное, так и надо, – подумал художник. – Я никогда не найду Нарисованного Мальчика без моего друга Самоделкина». И нарисовал на дне кабины камень. От груза шар опустился пониже. Камень вышел отменный, хотя рисовать при такой болтанке не очень удобно.

Карандаш нарисовал другой камень, чтобы шар не пролетел мимо школы, и увидел внизу непонятного человека с длинным, как морковка, носом.

Человек махал руками, подпрыгивал, потом наклонился, поднял камень, приложил его к одной своей резиновой подтяжке, натянул её, как рогатку, резинка шлёпнула, камень взлетел и ударил в упругую ткань шара. И тоненький голубой шар начал падать, словно детский шарик, если проколоть его какой-нибудь острой булавкой.

– Необычайно смешно! Хе-хе-хе! – подскакивал внизу человечек. – Ой, не могу! Невероятно смешно! Хе-хе! Ужасно весело...

На высокой пальме кричал, махая крыльями, взъерошенный попугай:

– Ха-ха-ха! Ой, не могу, ку-ку!

– Ха-ха-ха! – пищал вниз маленький мальчик, сверху очень похожий на Прутика.

– Ах, разбойник! – ахнул Карандаш, падая вместе с кабиной.

На этом, наверное, могла кончиться наша печальная сказка, если бы находчивый Карандаш не успел нарисовать парашют.

Учитель Пулькин мгновенно удрал в кусты, где жевал бананы другой учитель, с рыжей бородой.

Парашют опустился во дворе школы, и художник увидел мальчика.

– Прутик, – сказал Карандаш. – Почему ты смеялся? Кто пульнул в меня камнем?

– Очень смешно получилось, – ответил мальчик. – Шар так смешно лопнул. Пиф-паф!..

– Неужели тебе весело? Где научили тебя так смеяться?

– На весёлом уроке Смеха и Радости.

– Кто?! – вскричал художник. – Самоделкин? Может быть, я?

– Нет, – сказал Прутик, – учитель Пулькин и учитель Булькин. Здесь у нас теперь школа Разбойников. Нам очень весело. У нас много новых игрушек.

– Дудочки? Барабан? Хоккейные клюшки? Мячик? – спросил добрый художник.

– Тю! – свистнул мальчик. – Глупости какие! Разбойники так не играют. Пожалуйста, нарисуй мне синее море, подводную лодку и потайную пещеру. Я ждал тебя, чтобы ты нарисовал мне синее море.

– Ай, молодец! – шипел из укрытия Пулькин. – Пускай нарисует. И чтобы остров на нём. Остров! Настоящий пиратский остров! Учебное море. Наглядное пособие.

– Нарисуй море, – как ни в чём не бывало повторил мальчик. – У нас уроки такие будут. Учебное море. А на нём – настоящий остров.

Художник покачал головой:

– Ты, наверное, болен. Где Самоделкин? Где ребята?

– Не говори! – выбежал из кустов учитель Пулькин и следом за ним учитель Булькин. – Пускай сначала нарисует. Некультурно обманывать маленьких.

– Некультурно обманывать маленьких, – пискнул Прутик.

– Здравствуйте, кто вы? – спросил удивлённый Карандаш. – Я вас, кажется, где-то видел.

– Моя фамилия Пулькин. Я совсем новый учитель.

– Курикуки! – вдруг крикнул с ветки учёный попугай.
– Курикуки! – повторил свирепый учитель с большой рыжей бородой. – Мурлыпузя мурлыкузя.

Карандаш очень удивился:

– Мурлыпузя мурлыкузя? Вы сказали: мурлыпузя мурлыкузя? Но я ничего не понимаю!

– Конечно, – подбоченился Пулькин. – Сразу видно, кто настоящий учитель, а кто нет. Учёные люди всегда говорят непонятно. Мой почтенный друг – самый знаменитый учитель. Он сказал: здравствуйте! Как поживаете? Добро пожаловать! Ученье – свет, а неученье – тьма. Уходя, гасите свет. Пейте, дети, молоко, будете здоровы. Дважды два – пять.

– Он учёный, – объяснил мальчик.

– О, карамба! – сказал учитель Булькин. – Клюква не бряква!

– Мой друг недоволен, – объяснил Пулькин. – Он говорит: какая никудышная школа, какой никуда не годный учитель, если не может подарить крохотулечке синее море. Подумаешь, какие пустяки. Море, водичка, плюх, плях, рыбки, чайки, р-русалочки. Плях, плюх.

– Подумаешь, какие пустяки! – весело подхватил мальчик. – Ерунда, море.

– Брундиляк и хрундиляк! – негодовал знаменитый учёный.

– Он говорит, – перевёл Пулькин, – ему горько и стыдно за таких никчёмных учителей. Он жалеет бедненьких мальчиков и девочек. И слёзы мешают ему смотреть на такое безобразия. Он требует закрыть навсегда эту школу, если не будет моря, если не будет подводной лодки, если не будет потайной пещеры, где мальчики смогут играть в разбойников.

Художник опустил голову.

– Ну хорошо, я нарисую море, но это совсем не так просто, как вы думаете.

Он стал ходить по дорожке взад и вперёд, приговаривая сам себе:

Раз-два-три-четыре-пять,
Море будем рисовать.
Волны, волны,
Всюду волны,
Только волны рисовать...

И вдруг подул не знакомый в нашем городе удивительный ветер. Величаво колыхнулись, дрогнули высокие пальмы. Это волшебный художник начал рисовать море вокруг своей школы.

Белая чайка! Смотрите, белая чайка! В нашем городе настоящая белая чайка! Волшебный художник рисует море, синее море!

– Море! – пискнул Прутик.

– Батюшки, море! – подскочил Пулькин.

– Море! – торжественно сказал очень усталый художник. – Синее море!

– Море! – взревел Булькин, выпрыгивая к берегу. – И не надо искать. Вот оно, синее, разлитое!

А море гудело, плюхалось о берег, и чайки летели туда, где в тумане синел другой берег с очень взволнованными от удивления мамами.

– Какое чудо! Смотрите, какое чудо! В нашем городе синее море! – удивились мамы. – Южное море! Ай, хорошо!..

Глава двадцать третья, которая ничем нас не радует

Весёлый Прутик, скинув тапочки, убежал вдоль берега шлёпать босыми пятками синие

волны.

– Давай-ка рисуй нам подводную лодку, – не очень вежливо сказал Пулькин. – И пещеру. Потайную пещеру.

Карандаш очень удивился:

– Какую пещеру? Зачем подводную лодку?

– То есть как?! – возмутился Булькин. – А на чём удирать? Куда прятаться? Шито-крыто!

– Куда удирать? От кого прятаться? – не понял художник.

– Он шутит, хе-хе! – сказал учитель Пулькин. – Он пошутил. Он такой весёлый... На чём ребятишки будут путешествовать? А? В кино и в зоопарк? На чём они станут кататься по морям, по волнам? Рисуй подводную лодку, тебе говорят. Некультурно детей обманывать.

– Ага, я пошутил, – махнул бородой Булькин. – Я весёлый. Но где, по-твоему, детки будут играть в разбойников? Обманывать нехорошо. Давай сюда пещеру с потайным входом! Шито-крыто...

Наивный Карандаш сначала нарисовал на краю берега подводную лодку. Зелёную, небольшую, вроде катера, но самую настоящую подводную лодку.

Она качнулась на волнах, прибой плеснул в её гладкий бок. Зазвенела от натуги якорная цепь. Словно эта лодка приплыла сюда из холодной таинственной глубины моря, кинула якорь у самого берега незнакомой земли. Настоящий морской якорь, а не какой-нибудь нарисованный.

Булькин открыл рот и шлёпнулся на землю. Так иногда делают, если чему-нибудь сильно удивляются.

– Не может этого быть! Невероятно! – сказал Булькин.

– А я говорю: может! – не согласился учитель Пулькин. – Ерунда какая, взял и нарисовал. Пещеру давай с потайной дверью! Крохотулечка будет играть в разбойников. Ему нужна пещера с потайной дверью. Он такую хочет.

– Я нарисую, – сказал добрый Карандаш. – Вот в этой пальме будет потайная дверь в подземелье. Чтобы играть в разбойников. Пожалуйста, если мальчик хочет. Они такие, они любят...

Он стал рисовать, и скоро в мохнатом стволе дерева как бы сам собой появился большой, медный, очень старинный ключ.

Художник повернул его, потайная дверь с глухим скрежетом творилась – и все увидели каменные ступени, ведущие в старинное тёмное подземелье.

Булькин подпрыгивал и щекотал сам себе подмышки. Так он радовался, так ликовал!

Учитель Пулькин пел тоненьким голосом.

Они пели громко, потому что никого не боялись. Ни один случайный прохожий теперь не услышит их и никому не расскажет. Случайные прохожие по морю ходить не умеют.

– Это пират Буль-Буль! Это разбойник Пулька! – воскликнул Карандаш. – Вот они кто! Я узнал их!

– Мы самые! – подпрыгивал, танцуя, Пулька. – Теперь от нас не уйдёшь!

– Ага! – ревел другой бывший учитель. – Я знаменитый капитан Буль-Буль, гроза морей. Хватай карандашку-таракашку! Попался, мазилка!

– Самоделкин, где ты? – позвал она. – Это разбойники! Те самые разбойники!

Никто не ответил ему. Нет рядом отважного друга, нет железного человечка.

– Га-га-га! – заливались разбойники. – Го-го-го!

Мы р-разбойники,
Мы гр-грабители.
Нет на свете пир-ратов лютей.
Уважаемые р-родители,
Прячьте, прячьте
Скорее детей...

Вдвоём они схватили бедного художника и поволокли в пещеру. По каменным ступеням вниз, в тёмное сырое подземелье.

– Ты будешь рисовать нам одним и больше никому! Что пожелаем!

– Ах так?! – вскричал волшебный художник и стал рисовать на каменной стенке огромную кусачую собаку овчарку.

Пират поглядел на картинку, задрожал от страха и мгновенно захлопнул дверь в подземелье. Умышленно или нечаянно разбойник сделал то, чего никак не предвидел Карандаш. В темноте никто никогда ничего не сумеет нарисовать.

И вот я слышу, как загремела потайная дверь в подземелье, как щёлкнул замок над каменной лестницей. Волшебный художник остался один в темноте. Ничего не было видно и слышно в сыром и глухом подземелье.

Прибежал Прутик и спросил:

– Где Карандаш?

– Погулять пошёл, – хихикнул учитель Пулькин, он же разбойник Пулька. – Бананы кушает. Га-га!

Прутик, насвистывая, помчался к морю, поглядеть на другой берег. А там, на далёком, синеем в тумане берегу взволнованные мамы разошлись по домам.

– Теперь не убегут, – говорили друг другу мамы, – не одолеть им море! Никак не одолеть! Надо в газету написать, спасибо сказать тому, кто придумал это море. Давно бы так!

Успокоенные мамы ушли, не заметив, как подошёл к морю мальчонка. Сам беленький, в матроске, на шапке ленточка. Поглядел на синеем в тумане островок и стал толкать в море железную ванночку, напевая песенку.

Глава двадцать четвёртая, в ней опять мы видим Самоделкина

А между тем Самоделкин увидел, как вдруг переменялся ветер, как подул он в обратную сторону. Железный пилот усадил ребят в кабину и включил мотор.

Внизу гудел океан. Большие теплоходы спешили в дальние страны. Военные корабли, нахмуренные, серые, покачивались на волнах. Маленькие белые, как чайки, яхты проносились мимо. Волны шумели внизу, одинаковые, синие от края до края волны. Поэтому казалось, будто самолёт не летит, а висит в голубом воздухе. Только шум бесконечный шёл к небу. И даже гул мотора не мог заглушить его.

А небо такое неоглядное, океан такой непостижимо огромный, даль такая бесконечная! Разве найдёшь в ней грустных одиноких путешественников на воздушных шарах? Но Самоделкин всё летел и летел. И вдруг он заметил в небе маленький, сверкающий на закате шар. Железный человечек посмотрел в бинокль и увидел в кабине шара что-то оранжевое, полосатое, как настоящий тигр. А рядом с полосатым что-то мохнатое, чумазое.

– Мой шар! – воскликнул Самоделкин. – Я узнаю мой шар! Это Бабучило! Нарисованный Мальчик! Ура!

Он повернул самолёт, и мотор загудел от нетерпения.

– Скорей, скорей! – приговаривал железный пилот. – Бедный малыш. Ему, наверное, очень страшно лететь одному. Скорей!..

Бабучило, заметив самолёт, запрыгал в кабине. Тиграша залаяла звонко, на весь Тихий океан.

– Самоделкин! Ура! Самоделкин! – кричал Бабучило, танцуя в кабине шара.

Самоделкин помахал ему рукой:

– Эй, не упади! Я тебя не поймаю!

– Бабучило! Наш Бабучило! – подпрыгивали ребята.

Самолёт облетел вокруг шара один раз, другой, пока железный пилот придумывал, что

ему делать. И он, конечно, придумал. Залез в багажник и нашёл там длинную верёвку.

– Лови! – сказал Самоделкин, бросая конец верёвки Бабучилу. – Привяжи как можно крепче, я потяну тебя на буксире.

Мальчик привязал верёвку, затянул крепко-накрепко узел, хотя кабину сильно качало ветром и стоять в ней было совсем не легко. Мотор гудел, оранжевая собака лаяла, чумазый мальчик пел какую-то весёлую, счастливую песенку, но в гуле и звонком лае, в шорохе волн её нельзя было понять.

– Где Карандаш? – крикнул Бабучило, подставляя ладошки ко рту.

– Я не знаю, где Карандаш. Мы летим обратно в школу. Потом я буду искать волшебного художника, – стараясь перекричать мотор, ответил Самоделкин. – Вот, кажется, под нами город! Вот и река! Вот плавающий магазин. Вот... Я ничего не понимаю! – воскликнул отважный пилот. – Мое! Под нами снова синее море! Зелёный остров! Мы заблудились! Я не знаю, где мы!

– Смотрите, акула! – пискнула девочка.

– Нет, – ответил Самоделкин. – Это подводная лодка. – И непонятная тревога закралась в его железное сердце.

– Мне кажется, добрые люди под воду не прячутся, – тихо сказал он самому себе. – Ничего не понимаю. Мы заблудились. Я не умею летать!

И вдруг снизу, хлопая сердито крыльями, взлетел над пальмами взъерошенный попугай.

– Брундиляк! – шипел он какие-то совсем непонятные слова. – Хрундиляк!

– Рр-ав! Ав! – ответила Тиграша.

– Ррр-ав! Ав! – передразнил нахальный попугай. Не догнал шар и клюнул его с размаху своим острым клювом.

– Ха-ха-ха! – закатилась птица. – Хе-хе-хе! Ой, не могу!

– Мы падаем! – сказал чумазый мальчик, прижимая к себе оранжевую собаку.

– Он падает! – закричали ребята. – Он разобьётся!

– Бедный малыш! – ахнул Самоделкин и повернул самолёт вниз, туда, где между морем и пальцами желтела узкая полоска берега. – Может быть, не повиснет на пальме! У них такие широкие листья, – сказал железный пилот.

Глава двадцать пятая, не очень весёлая, но всё равно смешная

Разбойники ничего такого не видели, ничего не заметили. Я вам расскажу почему.

Сначала они хотели покататься на своей лодке. Но у них ничего не вышло. Подводную лодку не заведёшь ключом. Это вам не заводной пароходик. Надо уметь.

– Проклятие! – шумел капитан Буль-Буль.

Потом они катались на деревянных лошадках по всей школе. А капитан Буль-Буль забирался на мостик четырёхколёсного парохода, звонил в колокол, дёргая за верёвку, и командовал:

– Право р-руля! Полный вперёд! Я капитан!

Потом они порвали учёную книгу под названием «Азбука».

Потом бегали в столовую, заглядывали в буфет, но, кроме разных детских никчёмных паровозиков и автомобилей, ничего не нашли.

– Мне бы жареной колба-аски с ка-артошечкой! – ныл разбойник Пулька.

– Дудки! – рявкнул пират. – Пока мы не придумаем, как заставить мазилку работать, у нас ничего не будет...

Вот поэтому разбойники не видели, как прилетел настоящий учитель Волшебной школы Самоделкин.

Если бы железные человечки могли плакать, им, наверное, было не так грустно, как

было грустно доброму Самоделкину. Печальный вышел он из кабины, посмотрел вокруг и увидел...

Ты, наверное, думаешь, какой-нибудь цветок, или ягоды, или нарядного тропического жука? Да ничего подобного! Железный человечек увидел конфету в ярком фантике. Она лежала такая заманчивая, наверное, очень сладкая.

– Ой, – сказала девочка. – Настоящая конфета!

Настенька протянула руку, наклонилась поднять конфету и... Я даже не знаю, что подумать. Конфета подпрыгнула, будто кузнечик, и ускакала в сторону, да ещё как будто засмеялась тоненьким голосом:

– Хе-хе-хе!

Я никогда не видел прыгающих конфет. Это вам не лягушка!

Девочка снова протянула руку, и снова конфета подпрыгнула, будто кузнечик, и засмеялась тоненьким голосом:

– Хе-хе-хе!

– Мы на острове Прыгающих Конфет в Сладком Океане! – догадался Чижик.

– Науке такое не известно, – покачал головой Самоделкин.

– Лови конфету! – закричали ребята.

Они хотели побежать за конфетой-попрыгушкой, но тут же упали. Обыкновенно шлёпнулись в горячий песок.

– Хе-хе-хе! Ой, смешно! Его, не могу! – будто смеялась конфета.

– Ну и ну! – озадаченно сказал Самоделкин. Даже он подобного никогда не видел и не слышал.

– Мы зацепились за верёвку! – сердито сказал Чижик, поднимаясь и потирая синяк на лбу. – Кто-то натянул её, чтобы все мы нарочно упали. А конфета привязана к нитке. И никакого чуда нет. Её кто-то дёргает.

– Я натянул веревку! Только надо было поднять её повыше. Это очень смешно, когда все кувиркаются через голову. Очень смешно!

– Прутик! Неужели Прутик? – воскликнул Самоделкин.

Конечно, перед ними стоял Прутик, веселый маленький Прутик.

– Ой, Прутька! – очень обрадовались ребята.

– Совсем ничего не понимаю, – сказал удивлённый Самоделкин. – Ты на чужом острове?

– Совсем не чужом. Его Карандаш нарисовал. И море настоящее нарисовал.

– Кто? – зазвенел всеми пружинками Самоделкин. – Карандаш? Где он?

– Гуляет, – кивнул в сторону леса беспечный малыш. – Бананы кушает.

А ты когда-нибудь бегал на пружинках? Наверное, не бегал. Железный человечек в одно мгновение скрылся в густом тропическом лесу.

– Давайте будем играть, – сказал Прутик. – У меня много новых игрушек. Вот водяной пистолет. Мы нальём в него чернила и станем пугать Настю. Будет очень весело!

– Совсем не весело, даже печально, – махнул рукой Чижик.

– Тогда мы дадим ей вот эти новые тапочки. Настя наденет их, и будет необыкновенно смешно. Вот увидишь.

Прутик показал новые тапочки.

– Совсем не смешно, – прошептала Настенька, увидев острые кнопки внутри тапочек.

– Какие глупые-глупые дети! – вдруг сказал кто-то совсем рядом. На поляне появились два разбойника. – Почему это не смешно? То есть как это не смешно, когда невероятно весело? Дай-ка мне сюда пистолет!

Разбойник Пулька взял у мальчика пистолет и навёл на девочку.

– Ой! – пискнула девочка и спряталась в одно мгновение за Чижиком.

– Ха-ха-ха! – забулькал пират.

– Ха-ха-ха! – тоненько засмеялся Прутик.

– Ха-ха! – крикнул с ветки разбойник-попугай.

– А если глупой девчонке сказать, кто мы такие, вот она испугается. Ой, как будет смешно! – подмигнул разбойник Пулька.

– Здравствуйте! – сказала Настенька. – Добрый день! Кто вы?

– Ой, не могу! Ай, как будет весело! – заверещал Пулька. – Мы р-р-разбойники!

– Пир-рраты! – взревел капитан Буль-Буль, наверное, ля того, чтобы все малыши вздрогнули.

– Никаких пиратов не бывает, – заметила рассудительная девочка. – Только в сказке бывают пираты. В сказке для маленьких детей. А на самом деле нет никаких разбойников.

– Как это нет?! – возмутился пират. – Как это нет!!!

– Никакой ты не разбойник, – отважно сказал Чижик. – Настоящие разбойники такие не бывают.

– Как эт-то не разбойник? – опешил капитан Буль-Буль.

– А вот и не разбойник, – уверенно сказал мальчик. – Не разбойник!

Пират подскочил на месте:

– Какое возмутительное недоверие к честным людям! Это я не разбойник? Вот послушай:

Мы р-разбойнички,
Мы гр-грабители.
Нет на свете пир-ратов лютей,
Уважаемые р-родители,
Прячьте, прячьте
Скорее детей!

– Тю! – свистнул храбрый мальчик. – Даже ни капельки не разбойники!

Он, конечно, знал, какие бывают на свете настоящие разбойники, а какие не бывают.

– Оралы обыкновенные, вот они кто, – сказала девочка.

– Ужасно глупые дети! – закричал обиженный пират. – Невоспитанная девчонка, нахальный мальчишка! Честное слово, я р-разбойник! – Он стукнул себя в грудь. – Как вы смеете не верить мне, знаменитому разбойнику?

– Ты, наверное, даже «лево руля» кричать не умеешь, – не соглашался Чижик.

– Я не умею? Лево р-руля! Полный вперед! – гикнул капитан Буль-Буль разбойничьим голосом.

– Подумаешь, – махнул рукой Чижик, – большое дело. Зато по канатам лазать не умеешь. Вот.

Пират посинел от обиды. Он чуть не всхлипнул. Разбойник схватил верёвку с привязанной к ней вроде бы конфеткой, размахнулся, набросил её на верхушку пальмы и начал карабкаться по этой верёвке. Что-то хрустнуло на вершине дерева, и очень обиженный дядя-разбойник шлёпнулся на землю. Взъерошенный попугай на пальме захлопал крыльями:

– Ой, не могу! Вот уморил! Ха-ха!

Пулька, чтобы не смеяться, крепко зажал себе рот и фыркал так, словно с головой окунулся в море, и только нос у него шмыгал в разные стороны, как морковка.

– Ха-ха-ха! – весело смеялись ребята.

Никакой разбойник на свете не любит, когда над ним так весело смеются.

– Ну погодите, – сказал он, – я придумал, что с вами сделать. Мы запрём вас на тёмном чердаке и потребуем выкуп у волшебного художника. Он будет рисовать. Он обязательно станет рисовать! Добренький-предобренький, глупый-преглупый мазилка...

**Глава двадцать шестая,
которая даёт разбойникам то, что они заслуживают**

Разбойники постучали в старинную дверь подземелья.

– Эй, Карандаш! – позвал Пулька в замочную скважину. – Мы заперли всех твоих учеников в тёмном чердаке. Они сидят голодненькие, холодненькие. Плачут горькими слезами. Никто-никто не рисует им кофе-какаву, пирожные, куриные котлетки...

– Пустите меня к ним! – закричал художник. – Пустите скорей!

– Ха-ха-ха! – чуть не упали от смеха оба разбойника. – Ай, какой шутник! Ха-ха-ха! Вот насмешил! Мы тебя выпустим, а ты овчарку! Ой, не могу!

И, наверное, долго потешались бы они так над своим пленником, если бы вдруг из леса не выбежал Самоделкин.

– Где малыши? – говорил Самоделкин. – Где Карандаш? Я никого не встретил.

– Самоделкин, берегись! Это разбойники!

Железный человечек вздрогнул. Он поглядел в ту сторону, откуда раздался крик, и увидел печальные мордашки своих ребят за маленьким окном на чердаке школы. Разбойники бросились на Самоделкина.

– Ах так! – зазвенел Самоделкин. Не подпрыгнул и стукнул пирата железной головой. Подпрыгнул на своих пружинках и шмякнул Пульку железной головой.

– Нехорошо! – вопили разбойники, удирая. – Ай, как невежливо! Ай, как некультурно! – стыдили они, улепётывая от Самоделкина. – Караул! Мы больше не будем.

– Где Карандаш? – сказал железный человечек, останавливаясь.

И тут разбойник Пулька навёл на Самоделкина водяной пистолет.

Вода брызнула на железного человечка. Он закачался, заскрипел, как скрипит ржавеющий металл. Железные человечки ржавеют от воды.

– Ага, попался!

Разбойники налетели на поверженного Самоделкина, скрутили верёвкой, а потом привязали к мохнатой пальме. На всякий случай.

– Железное пугало, – шипели разбойники. – Железная колотушка! Не видать вам никому Карандаша! Никому на свете!

Глава двадцать седьмая, самая-самая печальная

Может быть, кто-нибудь из вас расскажет о том, что было дальше? Я не могу рассказывать. Я не могу слышать, как звенят пальмы на острове. Я не могу видеть, как сморщенной голубой тряпкой висит на пальме лёгкий воздушный шар. Кто-то проклевал в нём большую дырку. Я не могу видеть испорченный самолёт на берегу моря. Под ним весь пляжный песок залит пахучим бензином. Кто-то проклевал в самолёте бензиновый бак.

Не могу я видеть привязанного к пальме железного человечка. Мне больно смотреть на дом, где раньше была самая необыкновенная школа на свете, а теперь в нём сидят запертые на ключ совсем ещё маленькие два мальчика и одна девочка.

Я не могу открыть потайную дверь подземелья, в котором томится Карандаш, потому что не вижу её, так она хорошо спрятана в дремучем лесу. Я не хочу рассказывать, как наступила тёмная тропическая ночь. Нигде на свете нет неприятнее темноты, чем в подземелье у волшебного художника.

Давайте на этом кончим нашу печальную сказку. Только я погляжу в последний раз: кто это незаметно приближается к дому разбойников, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания?

Но постойте! Это же наш Бабучило! Он тихо подкрадывается к дому, чтобы не звякнула какая-нибудь ветка. Не бросает камушек в чердачное окно.

– Ребята! – шёпотом позвал мальчик.

– Кто это? – спросила девочка, заглядывая через решётку. – Бабучка! Милый Бабучка! – всхлипнула Настенька. – Наконец-то мы тебя нашли... Мальчики, это Бабучило!

Чижик и Прутик подбежали к окну.
– Мы военнопленные, – сказал Прутик.
– Я знаю, – прошептал Бабучило. – Я всё видел. Я прятался. Мы с Тиграшей висели на ветке и не разбились.
– Послушай, – сказал ему Чижик. – Волшебному художнику нужен свет. Разбойники очень боятся, как бы к нему не попал свет.
– Я что-нибудь придумаю, – сказал почти не видимый в темноте Бабучило.
«Мы что-нибудь придумаем», – хотела сказать собака Тиграша и залаяла. Говорить она совсем не умела, а шёпотом и подавно.
Ребята замерли, застыли от испуга, боясь, как бы от шума не проснулись разбойники и не схватили нарисованного мальчика.

Глава двадцать восьмая, в ней снова гудит паровозик

Пулька спал и видел удивительно приятный сон.
В большом золотом городе на берегу золотистого моря золотые собаки лаяли на улицах, виляя золотыми хвостиками. Весёлый капитан Буль-Буль бегал за ними с большим сачком для ловли бабочек, бегал и звенел от усердия золотой бородой. Огромные золотые киты плавали в море, пуская в небо золотые фонтаны – целый золотой дождь! И дождь этот падал с неба на счастливых разбойников и звенел, и звенел, и звенел.
– Это всё мазилка нарисовал! – кричали во сне разбойники.
Вот какой приятный волшебный сон. И вдруг всё пропало, потому что разбойники проснулись.
– Кто шумит? – вскочил Пулька.
– Кто смеет шуметь на моём острове? – рявкнул пират.
И тогда храбрый Чижик запел такую песенку:

Один весёлый паровоз
Один вагон сердитый вёз,
А тот ужасно этим недоволен...
– Я возмущён,
Я удивлён.
Куда? Куда помчался он?
Как будто я в судьбе моей не волен...

А ребята подхватили озорную песенку Самоделкина:

А паровозик:
– Ту-ту-ту!
Ту-ту,
Ту-ту, ту-ту-ууу!..

– Ту-тууу! – весело и громко пели маленькие пленники. – Ту-ту-ууу!
Как будто смелый неугомонный паровозик приехал сюда на этот остров напрямик через волны и поёт на весь океан:

Ту-ту-у!
Ту-ту, ту-ту-ууу!

Глава двадцать девятая, с громом и даже с молнией

Но легко бывает в придуманных сказках. А в действительности всё не так просто. Посудите сами.

Разбойники ужасно рассердились. В эту минуту небо над островом, затянутое низкими тучами, вдруг пересекла яркая молния, грянул от края о края по всему небу-океану весёлый тропический гром. «Бум-трах! Бум-тар-ра-рах!»

– Она *светит*! – вскочил капитан Буль-Буль. – Скорее в лес! – крикнул он, глядя в окошко на молнию. – Скорей туда! Надо заткнуть замочную скважину, пока мазилка не придумал что-нибудь.

И разбойники убежали к подземелью, крепко-накрепко заперев дом на замок. Они сели на мокрую землю под широкими листьями, заслонив потайную дверь от молнии своими спинами. Разбойник Пулька даже воткнул палец в замочную скважину. Чтобы не уснуть и не бояться ночного леса, разбойники начали напевать:

Хрундиляк и пундиляк!

А ветер между тем угнал тучи с неба, дождь улетел вместе с ними в открытое море. Над островом появились яркие звёзды.

Ах, если бы я мог взять пригоршню этих сверкающих, лучистых, как снежинки, удивительных блёсток и высыпать их прямо в сырое подземелье!

Так думал и промокший Бабучило, таясь в густых зарослях неподалёку от подземелья, почти рядом с поющими разбойниками.

В лесу опять становилось тепло. И влажный воздух наполнился вдруг необыкновенным ароматом южных цветов и набухшей травы. Наверное, поэтому два разбойника пели всё тише и тише, пока не умолкли совсем и не задремали.

В ночном воздухе стали порхать крупные жуки-светлячки. Будто маленькие голубые фонарики, летали они между стволами деревьев, танцуя волшебный танец, озаряя на миг сверкающие капли на листьях, на цветах и траве.

– Свет! – ахнул Бабучило. – Свет! – едва не закричал он громко на весь лес. – Вот он свет! – прошептал мальчик и стал бегать по траве, ловить светлячков.

Они щекотали ему ладошки. Бабучило мягко держал их в кулачке, чтобы как-нибудь не помять, не погасить. И вдруг над головой кто-то крикнул скрипучим голосом:

– Пундиляк!

Взъерошенный попугай слетел с дерева, на лету поймал светлячка и проглотил:

– Ха-ха-ха – жутко засмеялся попугай-разбойник. – Цып-цып-цып!

Попугай летел впереди Бабучило и хватал и склёвывал маленькие живые фонарики. Мальчик швырнул в птицу камнем. Попугай увернулся. Мальчик сорвал длинный пальмовый лист, хотел стегнуть попугая, но тот увернулся и, злорадно крича, склюнул ещё десяток-другой светлячков. От обиды Бабучило заплакал и сел на землю. Он плакал, а Тиграша вся оцетинилась. Её глаза сверкнули, она подпрыгнула и цепко ухватила негодную птицу.

– Брундиляк!.. – успел крикнуть попугай.

Перья полетели в разные стороны. Собака трепала его, как веник. Птица метнулась в кустарник и замерла в нём еле живая. Летать она больше не могла.

– Спасибо, Тиграша, – тихо сказал мальчик. И они вдвоём стали бегать по лесу, ловить светлячков. Собака прятала их во рту, а мальчик – в мягкой ладони.

– Пожалуйста, не проглоти, – шёпотом попросил Бабучило.

– Ммм, – ответила Тиграша. Она хотела сказать: «Ну что ты, разве можно, я всё понимаю». Только собаки не умеют разговаривать.

Буль-Буль открыл один глаз, подозрительно выставив ухо, начал прислушиваться. Но тут он увидел в полумраке, в летучем голубом свете увидел такое!.. Такое!..

ПОЛОСАТУЮ ТИГРИНУЮ МОРДУ!

Собака заметила, что разбойник проснулся. Она, правда, могла залаять. Но рот у неё был весь наполнен светлячками. Она подносила их мальчику. Поэтому она только зарычала:

– Рр-ррр!

Если бы Тиграша не зарычала, а залаяла, может быть, ничего и не случилось бы. Но Тиграша зарычала. Её полосатая тигриная шкура переливалась в неверном голубом свете. Разбойник увидел её. Стуча зубами от страха, он сначала сказал:

– Кис-кис-кис!

Он всё перепутал:

– Кис-кис-кис! Цыпа-цыпа! Кис-кис!

Потом завопил:

– Брысь!

Потом подпрыгнул:

– Ой-ёй-ёй! Мяу!

Ну прямо-таки всё на свете перепутал.

Разбойник Пулька ничего не мог сказать. Он стучал зубами:

– Дык-дык-дык-дык...

Через мгновение разбойники были далеко в чаще и не знали, как им выбраться к дому, пока не рассветёт.

Глава тридцатая, где карандаш почти ничего не может нарисовать

Волшебный художник лёг в своей темнице на каменный пол. Он думал о маленькой заботливой девочке Настеньке, о храбром Чижике, о добром, хоть и ленивом Прутике, о преданном друге, у которого такое верное железное сердце. О том, что ожидает их. Думал о невозможности что-либо изменить. И горе наполняло его, и слёзы мешали ему открыть лаза.

Встань, Карандаш! Погляди на свою темницу! Какой необыкновенный свет наполняет её! Какое волшебное, сказочное, голубое сияние переливается по всему подземелью! Какие звёзды кружатся, мелькают, плывут под каменными сводами!

– Карандаш! – позвал кто-то шёпотом. – Проснись!

Художник открыл лаза. «Да я сплю», – подумал он.

В подземелье было светло. Один за другим влетали из темноты над каменными ступенями живые фонарики.

– Это я, Бабучило, – услышал художник. – Мы с Тиграшей ловим светлячков и запускаем их в замочную скважину. Пожалуйста, рисуй.

– Милый Бабучило, – тихо сказал Карандаш, – вряд ли я что-нибудь смогу теперь нарисовать. Прости меня, но ты немного опоздал...

– Хотя бы ключ и лестницу. Постарайся!

– Я попробую, – сказал Карандаш.

Не с большим трудом нарисовал ключ прямо на полу своей темницы. И новый ключ звякнул о камень.

Карандаш нарисовал верёвочную лестницу. На другую сил ему не хватило. Художник вставил ключ в замок двери. Повернул этот ключ. Замок щёлкнул, потайная дверь отворилась – и густой свежий воздух опьянил Карандаша. Он потерял сознание.

Бабучило, пыхтя от натуги, посадил художника верхом на Тиграшу, поддерживая учителя руками, чтобы ей было не так тяжело. И они поспешили к дому, где не спали в тревожном ожидании Прутик, Настенька и Чижик.

Глава тридцать первая, самая счастливая!

Бабучило привязал к верёвочной лестнице камень и бросил её в чердачное окно. Ребята спустились по лестнице вниз.

– Бабучка, милый Бабучка, – плакала Настенька, целуя мальчика.

И я должен заметить, хотя, может быть, это не совсем удобно в такой напряжённый, трагический момент, я не одобряю коверканье разных имён и фамилий. Зовут мальчика Бабучило, ну и пусть будет Бабучило. А то знаете, как у ребят бывает. Сначала Бабучка. Потом Бабучка-Закорючка. Потом просто Чучка. Так и пойдёт. И сразу не вспомнишь, как звали мальчика в самом начале.

– Милый, родной Чучка! – всхлипывал Прутик.

Вот видите, уже начинается: Чучка-Бабучка...

– Надо спасти Самоделкина, – сказал Чижик. И вместе с ребятами поспешил к железному человечку.

Самоделкин совсем не двигался. От воды, от ливня и горя он очень сильно заржавел.

Мальчики отвязали Самоделкина, постелив широкие пальмовые листья, положили его на землю. Девочка вытирала железного друга своей косынкой, гладила, приговаривая:

– Бедный, бедный Самоделкин!

Чижик подумал и решительно сказал:

– Нельзя терять ни минуты. Сделаем носилки. Нам никто не поможет. Никто не нарисует нам эти носилки!

Сами сделали двое носилок из прочных пальмовых листьев, уложили в них неподвижных своих учителей. Девочка и Прутик несли Карандаша. Бабучило и Чижик несли железного Самоделкина.

У берега на волнах покачивалась подводная лодка. Ребята внесли в неё носилки, поставили их на палубе так, чтобы живительный морской ветер оведал художника и железного человечка.

– Поднять якорь! – скомандовал, как заправский капитан, маленький Чижик. И сам первый ухватил руками за якорную цепь.

Они подняли якорь. Лодка качнулась и, подгоняемая волнами, стала медленно удаляться от берега. Конечно, управлять подводной лодкой, кроме Самоделкина, железного человечка и большого мастера, никто не умел. А Самоделкин был недвижим. Но лодка и так отплыла довольно далеко от берега. Никакие разбойники наших друзей теперь не достанут. Пускай себе остаются на своём острове, пока милиция не прилетит за ними на вертолёт. Сами во всём виноваты.

– Надо найти машинное масло, – догадался Чижик. – Не может быть, чтобы на подводной лодке не было машинного масла.

Мальчик спустился в трюм подводной лодки. Он и в самом деле нашёл там канистру с маслом.

Ребята вытерли Самоделкина своими рубашками, смазали Самоделкина маслом. Чижик подкрутил ножки-пружинки, подвинтил, где надо.

Железный человечек открыл лаза, поглядел вокруг, увидел ребят, увидел волшебного художника на носилках – и всё понял без объяснений.

Он крепко обнял дорогих своих мальчиков и дорогую свою девочку и чуть не заплакал от переполнившей его радости – самой настоящей, большой, удивительной Радости. Но Самоделкин очень боялся опять заржаветь и поэтому плакать не стал. Всё-таки он железный, а твёрдым железным человечкам плакать не положено.

– Полный вперёд! – зазвенел Самоделкин. – Я знаю, волшебного художника вылечит вольный морской ветер. Не отходите от него, смотрите за ним, он скоро поднимется. А я пойду к моторам.

Настенька вздохнула:

– Моя мамочка, наверное, плачет!

Чижик сказал:

– Мой папа, наверное, плачет. Он говорит: где мой сынуля? Где мой мальчик, Звоночек мой, Солнышко моё, Зайчонок?...

Наверное, Чижикин папа до сих пор не знает, как всё-таки зовут его ненаглядного мальчика.

Самоделкин спустился в трюм лодки. Она вздрогнула, негромко загудел сильный мотор, и лодка, разрезая лёгкие зелёные волны, понеслась на север.

Карандаш лежал на пальмовых носилках, а Настенька гладила его руку и напевала наивную детскую присказку. Ту самую, которую когда-то очень давно мне говорила моя мама, Настасья Ивановна:

– У кошки заболи, у собаки заболи, а у тебя, мой родненький, не боли...

Волшебный художник открыл лаза и счастливо улыбнулся:

– Я же говорил, какая замечательная вырастет волшебница...

Железный человечек сиял от радости. Он звенел своими пружинками от восторга.

– Мы не боимся никаких разбойников! – кричал Самоделкин. – Мы вернёмся! Мы снова придём в нашу Волшебную школу! Мы привезём сюда много мальчиков и девочек, много новых учеников!

– А разбойники пускай живут в лесу, раз они такие, – сказал Чижик. – Будем ходить в лес на экскурсию, смотреть, как живут настоящие сказочные разбойники.

– Я на них смотреть не хочу, – не согласился Прутик. – Обыкновенные лодыри, вот они кто, и больше ничего.

– Пойдите, пойдите, – строго сказала Настенька. – Вы только посмотрите, какой замарашка Бабучка. Он ещё никогда не умывался. Ну-ка, Бабучка, пожалуйста, вымой лицо и руки.

Мальчик наклонился над бегущей пенной водой. Он вымыл и лицо, и руки, и шею. Вымыл с большим удовольствием, как бывалый, закалённый океаном и всеми ветрами настоящий моряк.

И все увидели, какой он симпатичный хороший мальчик – этот Бабучило, он же Чучка-Бабучка, он же Чучка-Закорючка, он же Чуча... Славный замечательный мальчик!

Ребята и Карандаш на палубе в нетерпении вглядывались в морскую даль. Чижик стоит, широко раздвинув ноги, совсем как настоящий, хоть и маленький, капитан.

– Он будет морским капитаном. Или станет сочинять сказки, – говорит волшебный художник Самоделкину.

– Почему ты так думаешь? – позванивает своими пружинками сияющий счастливый Самоделкин.

– У мальчика макушка пахнет морем, солнышком, облаками, золотыми рыбками, дальними странами, зелёными островами.

– Удачи ему и радости! – отвечает Самоделкин. – Всем ребятам, всем девочкам и мальчикам, удачи и радости. Всем! Всем!

...На этом кончается самый трудный урок Волшебной школы.

ДО СВИДАНИЯ!